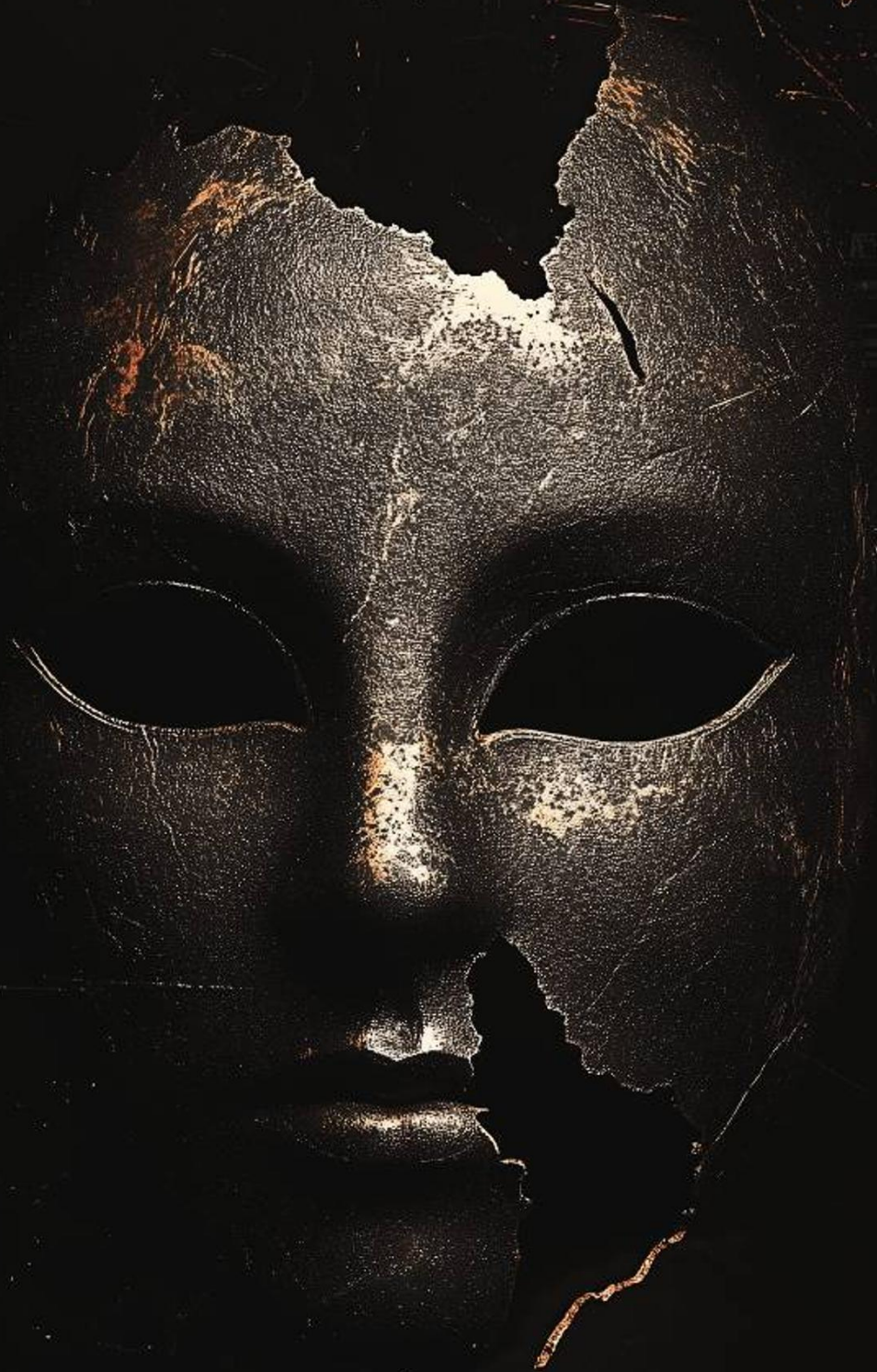

Мёрфи

Истоки

зла

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мёрфи

Истоки зла

«Автор»

2026

Мёрфи

Истоки зла / Мёрфи — «Автор», 2026

Говорят, прошлое должно оставаться в прошлом. Хэйли Маршалл думает, что это просто невозможная чушь. Возвращение в город, в котором она выросла, даёт понять, что так думает кто-то ещё.

© Мёрфи, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	15
Глава 3.	24
Глава 4.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мёрфи

Истоки зла

Глава 1.

Август для жителей Ороно, штат Мэн, означает только одно — наплыв студентов, прибывших для начала или продолжения обучения. Университете штата Мэн давно разросся с одинокого здания на тринадцати акрах до целого городка: несколько корпусов, девятнадцать общежитий, несколько спортивных клубов, массы братств и шестисот шестидесяти акров кампуса с живописным ландшафтом, одной из самых обширных библиотек в стране и звания флагманского в системе образования штата Мэн.

И всё это не имеет никакого значения для Джой, которая поступила сюда исключительно из-за друга, мечтающего стать светилом в сфере психологии. Когда встал вопрос о выборе учебных заведений, Дерек даже не думал, давно знал куда именно хочет поступить. Джой так не повезло, она понятия не имела, кем хотела быть в будущем. Всё, что её интересовало, так это где бы оторваться и не получить за это нагоняй. И Дерек. Да. Её лучший друг. Так что она просто пошла по пути наименьшего сопротивления, совершенно не собираясь расставаться с единственным человеком, который знал её как облупленную. Остальное не особо то и волновало.

Сначала Дерек был рад до пороссячьего визга, а потом начался первый семестр и стало понятно — то, что ему давалось путём долгой и упорной учёбы, Джой щёлкала, как орешки и без особого усердия. Первый старался не показывать своего возмущения, вторая, конечно же, всё равно всё видела и не могла не подшучивать.

В начале первого года обучения их было всего двое, но уже к ноябрю в их маленький кружок по интересам на двоих как-то очень уж незаметно и гармонично влился третий — Кэвин Райт. Эта троица предпочитала держаться вместе и никого особо до своих королевских задниц не допускала. «Королевских» — не оговорочка по Фрейд, да, потому что они довольно быстро заняли нишу одних из самых известных личностей в университете. Не без припизженной очаровательности, конечно, но как есть.

Дерек Мастерс — душа компании, Джой Кингсли — местный аналог Казановы в юбке, Кэвин Райт — грубоватый, саркастичный, в меру отстранённый, но временами довольно приятный в общении парень. Первый с успеваемостью выше среднего, вторая — одна из лучших (без особых усилий, помним, да?), третий — среднячок, но «у него ведь есть потенциал». Первый — отличный игрок в гольф. Вторая — одна из ведущих игроков в баскетбол. Третий — лучший нападающий университетской команды по регби. За первые места в соревнованиях университет выделял дополнительные плюшки, так что ни один из тройки упускать такую возможность не собирался.

Дерек познакомился на первом курсе с очаровательной Лив и больше они друг от друга не отлипали аж целых полтора года. Это были того рода отношения, когда всё так романтично, что аж блевать тянет, что его друзья периодически и имитировали с соответствующими звуками и гримасами. Правда их любовь не выдержала пресловутых трёх лет и Лив благополучно кинула парня, уйдя по-английски. С тех пор Дерек стал приверженцем исключительно крепкой мужской (без контекста, а не то, что вы подумали, извращенцы) и всю романтику старательно избегал, уйдя с головой в учёбу.

Джой шла сквозь время и людские сердца с фантастической способностью расставаться со своими пассиями, оставаясь в приятельских отношениях.

Кэвин «не интересуется эта чушь, чуваки», спокойно занимался делами, с таким же невозмутимым видом проигнорировав Джой, по дурости на первых порах подкатывающую к нему свои воображаемые яйца. Недоразумение быстро разрешили путём пары бутылок виски, пары шутильвых драк и нездоровой весёлостью.

После всех притирок, нюансов и установки тех или иных границ, несвятая троица ментально стала походить на сиамских близнецов... в смысле, тройняшек.

— Кто-нибудь объяснит мне, за каким чертом нам курс литературы на третьем году обучения на факультете психологии, если... это нихрена не связано? — ворчит Дерек, крепче перехватывая лямку рюкзака и успевая здороваться, двигаясь в плотном потоке студентов.

— Наверное, затем, что людям, составляющим программу обучения, виднее? — насмешливо вздёрнув бровь, предполагает Кэвин, по привычке успешно игнорируя любые проявления дружелюбия со стороны проходящих мимо.

— Ой, да ладно тебе! — встревает Джой, влезает между ними, повиснув на их плечах. — Говорят, у нас новый преподаватель по литературе. Молоденькая. — Смотрит сначала на одного, потом на другого, многозначительно поигрывая бровями, вызывая тем самым почти синхронное закатывание глаз. — Скучные вы, ребят, — фырчит. — Как лето провели? — смотрит на Дерек. — Замену крошке Лив нашёл?

— Сдаётся мне, что крошка, — коверкая голос и гримасничая, отвечает тот, — Лив повырывает твои волосы за такое обращение. И спасибо за напоминание.

— Нууууу, — тянет Кингсли, вытянув губы трубочкой, — зато мы теперь свободны. Красота же!

— Свобода от рвотных позывов, хочешь сказать? — ухмыляется Райт.

— Вы такие придурки, — не сдерживая улыбки, говорит Дерек, понимая, что чертовски скучал по этим идиотам.

Людским потоком их заносит в аудиторию, в воздухе которой привычно улавливается лёгкий флёр времени, приправленный почти незаметным запахом пыли и дерева. Они занимают привычные места где-то посередине, ближе к большим, сейчас открытым, окнам, продолжая перебрасываться шуточками и подколами в ожидании нового преподавателя литературы, заметив, что если пары с этим предметом и дальше будут ставить первыми, то скорее всего они станут злостными прогульщиками.

Хэйли паркуется на отведённом для её машины месте, глушит двигатель, прижимается затылком к подголовнику и прикрывает глаза, наощупь находя пачку сигарет. У неё лекция через двадцать минут, а кажется, что предстоит каторга.

Спустя полтора месяца она так и не смогла ответить себе на вопрос: зачем вернулась в город, из которого с таким трудом вырвалась десять лет назад и поклялась больше никогда не появляться здесь? По официальной для себя же версии — из-за бабушки. Эта женщина вырастила её, воспитала, дала возможность начать новую жизнь, а теперь грёбанный Альцгеймер рисовал на её некогда красивом, ныне морщинистом лице удивление и лёгкий испуг при появлении внучки стабильно несколько раз в неделю.

Пока что в неделю.

Дальше будет чаще и она это знает. Так же, как и то, что бабуле, наверное, было бы лучше в каком-нибудь специальном заведении, так говорят, но хер там плавал, не может она сдать её на поруки врачам, для которых вот такие старики просто ещё одна медкарта.

Щёлкает прикуриватель, Хэйли зажимает фильтр сигареты зубами и прикуривает. Ей двадцать девять, у неё кроме бабули, степени и книг нихрена нет. Хомяк и тот сдох. Пере-

кати-поле. Ничто нигде не держит, так что... почему бы и нет? Да? Университет штата Мэн — отличный плацдарм для начала блистательной карьеры. Возможно. Да и бабуля не будет одна.

Была б возможность, она бы увезла её отсюда, но та не соглашается, Хэйли предлагала. И получается у Хэйли вроде как и особого выбора-то и нет. Или всё дело в том, что несмотря на годы, на места, людей, она так и застряла девятнадцатилетней перепуганной, ничего не понимающей девчонкой в грёбаном Ороно и пока не разберётся с этим, дальше не продвинется.

В свой первый рабочий день люди, должно быть, чувствуют что-то вроде волнения, приятного ожидания, предвкушения, хрен знает. Хэйли не чувствует ничего из этого. Неясное ощущение гнетущей тревоги. Это да. Этого с лихвой. Какая-то поганая эмоциональная окраска для старта.

Но как бы там ни было, лекции сами себя не вычитают и она, выпустив дым через нос, давит окуроч в пепельнице, бросает быстрый взгляд в зеркало, берёт свою сумку и выходит из машины. Шагает к главному корпусу университета торопливо, будто если ещё минуту помедлит, сядет за руль и уберётся отсюда к херам... к херам собачьим подальше, да.

Все организационные вопросы она закончила решать неделю назад, после чего ей выдали ключи от небольшого кабинета, поверхностно познакомили с преподавательским составом, так что теперь, двигаясь по длинным коридорам, ей приходится кивать в ответ на приветствия преподавателей, имена которых она не потрудилась запомнить.

Хэйли даёт себе только секунду, останавливаясь перед дверью нужной аудитории. Выдыхает. Распахивает её и усилием воли не даёт мышцам своего лица скривиться в гримасе недовольного раздражения при виде количества студентов. Чего ж их так много-то, боже...

Долгий, насыщенный на лица и шумы, рабочий день закончился только на закате и прошёл лучше, чем Хэйли могла ожидать. Даже с учётом чокнутой третьекурсницы, наверняка нарочито громко прошептавшей: «Чёрт, вот это задница! А новый преподаватель-то ничего...».

Хэйли запомнила «шутницу», успела вычислить её приятелей за время лекции. Странно, что этот небольшой инцидент, на который она отреагировала целым ничем, стал единственным запомнившимся моментом. Как бы там ни было, но ехать на работу следующим утром было как будто чуточку... ну, не так раздражающе.

Её шаги отражаются тихим эхом от стен пока ещё пустующих коридоров, которым быть таковыми недолго. Хэйли закидывает сумку в кабинет, берёт папку с лекционным материалом, заглядывает в планер, чтобы вспомнить какая группа у неё сегодня первая. Спокойно шагает к аудитории, не встретив никого по пути и считая это неплохим знаком. Открыв дверь, тихо чертыхается себе под нос, осознав, что забыла свой кофе в кабинете. И если для кого-то это не проблема, то для неё очень даже. Кофе-то особенный, с парой ложек хорошего коньяка. Ну, а что? Это не алкоголизм, а профилактика.

Профессор Маршалл оставляет бумаги на своём столе и нетерпеливой походкой идёт назад. Когда возвращается, ещё до того как перешагивает порог аудитории, понимает, что та больше не пуста. Что ещё хуже — от рассматривания собственного мозга путём закатывания глаз Хэйли не удерживается, потому что один из трёх голосов, доносящихся из приоткрытой двери, точно узнаёт.

— Святые ёжики, Дерек, какого черта мы так рано притащились-то... — ноет Джой, устроившись головой на рюкзаке, который удобно уложила на стол перед собой. — Ещё же полчаса можно было поспать... — канючит, обнимая рюкзак так, словно тот самая ценная вещь.

— Пффф, да-да, — усмехается Мастерс, готовясь к лекции, доставая из рюкзака карандаш, ручку, маркер, корректор, две толстых тетради, небольшой ноутбук и бог знает что ещё.

— Странно тут... без людей, — вкидывает Кэвин внезапную мысль, осматриваясь.

— Не странно, а скучно, — поправляет Кингсли, резко выпрямив спину и прищурившись. Дерек не сдерживает тихого обречённого стона, потому что знает этот прищур и никакие хорошие идеи в исполнении его подруги им не знаменуются.

— Джой... — начинает, но та только шикает, широкими шагами спускаясь к профессорскому столу.

Девушка останавливается, уперев руки в бока, смотрит на аккуратно разложенные на плоской поверхности вещи и прикусывает губу. Скучновато тут всё. Так ей кажется ровно до момента, когда она замечает край спичечного коробка с узнаваемой эмблемой очень интересного клуба в Портленде, торчащий из папки. Уголок её губ тянется вверх за вскинутой бровью. А профессор-то не так проста, да?

Она успевает подумать эту мысль и даже протянуть руку, собираясь одновременно с этим оповестить своих друзей о находке, когда слышит тихий, но настораживающий скрип за закрытой дверью, ведущей в небольшое помещение сразу за рабочим местом преподавателя. Кэвин и Дерек переглядываются и первый даже открывает рот, но не успевает, потому что девушка шагает к двери, чтобы проверить.

— Джой! — возмущенно шипит Мастерс, срываясь с места следом за Кэвином. — Даже не думай лезть туда!

— Это ещё почему? — касаясь пальцами поверхности двери, спрашивает она, глянув на подоспевших друзей. — Тебе разве не интересно? Согласитесь уже, что наш новый препод весьма себе интригующий персонаж. Видели этот взгляд?

— Нормальный у неё взгляд, — не очень убедительно возражает Дерек, злобно зыркнув в сторону громко ухмыльнувшегося Райта, от которого вообще-то надеялся получить поддержку и не дать Джой залезть туда, куда не следует.

Никаких возражений он не получает. Парень по взглядам понимает, что намечающееся действие напрягает только его и, как это обычно и бывает, сдаётся, уступив. Кингсли широко улыбается, замирает на секунду, что в предрассветном свете и тишине ещё не проснувшегося здания университета выглядит довольно зловеще, толкает дверь и в этот момент одновременно происходит три вещи.

Они слышат насмешливо издевательское: «Развлекаетесь?», у себя за спинами, что разворачивает всю троицу на сто восемьдесят градусов, заставив вздрогнуть от неожиданности. Хэйли хотела дать знать о своём присутствии сразу, но отчего-то задержалась за порогом, став свидетелем шутливой стычки странноватой студентки со вчерашней лекции и её приятелей. Гавкать на них не хотелось, но и оставлять безнаказанными действия блондинки — тоже. Так что она дождалась момента, бесшумно подошла и, собственно, открыла рот.

Обернувшись троица слышит глухой стук удара у себя за спинами, когда смотрит на стремительно бледнеющую профессора литературы. Звук, похожий на мешок картошки ударивший о стену. Поэтому все трое снова поворачивают головы в сторону двери, так резко, что кажется, слышится хруст. И сначала мозг отказывается обрабатывать информацию об увиденном. С разницей в долю секунды реагирует Джой, отпрыгнув с нехарактерным для неё визгом. Путается в собственных ногах, цепляется за друзей, и все трое валятся на пол, кто заверещав, кто выругавшись. Они пытаются отползти как можно дальше, прижимаясь друг к другу, как щенки, но в какой-то момент всё замирает.

Хэйли, ни один мускул на лице которой не дрогнул, лишь моргает в момент, когда несколько капель крови попадают на кожу. Продолжает сверлить взглядом подвешенное вверх ногами, сейчас слегка раскачивающееся на длинной крепкой верёвке, прикреплённой к потолочной балке, обнажённое тело мёртвого парня. Его руки связаны за спиной. Его кожу покрыв-

вает множество мелких аккуратных порезов. Хэйли точно знает, что тело закреплено специально в том положении, при котором в момент открытия двери оно срывалось вниз, чтобы остаться подвешенным и покачиваться из стороны в сторону в итоге. Знает, потому что точно такая же картина заставила её уехать из города много лет назад.

Взгляд судорожно шарит по стенам небольшого помещения в поисках недостающей детали. И вот она снова девятнадцатилетняя ничего не понимающая соплячка. В голове становится до звенящего пусто, когда она находит то, что искала, и к собственному ужасу не сдерживает горько ироничной усмешки, скользя взглядом по кровавым порезам на спине парня, складывающимся в цитату одного известного писателя.

Слишком очевидное послание.

Слишком очевидное для неё.

Западное крыло самого старого здания университета перекрывают полностью, что не мешает толпе любопытствующих собраться перед главным входом, не пересекая ограждение из жёлтой полицейской ленты. Кто-то вызвал полицию, Хэйли упустила этот момент. Сквозь звон в ушах пробилось лишь сдавленно произнесённое мужское имя, после чего послышались характерные звуки, свидетельствующие о том, что чей-то желудок не выдержал, выворачивая всё содержимое на пол.

Кажется, блондинка, Кингсли, знала жертву. Кажется, их связывали какие-то отношения. Во всяком случае такое впечатление сложилось у Хэйли исходя из сказанного студентами, один из которых, с татуировками и пирсингом, неожиданно быстро взял себя в руки и попытался сделать хоть что-то.

Хэйли так и стояла не шевелясь, с какой-то маниакальной пытливостью вгрызаясь взглядом в жуткое нечто, бывшее некогда человеком, не пытаясь стереть с собственного лица капли крови. Её кое-как растормошили прибывшие на место преступления копы, задавали какие-то вопросы, смысл которых от неё ускользал. Она не ушла и когда начал работать криминалист. Просто отошла к самому дальнему окну и принялась смотреть в него отсутствующим взглядом. Куда делись студенты она тоже сказать не могла. Всё слилось в мутное, глухое пятно.

Ясность ума вернулась резко, словно кто-то выкрутил яркость, звук и чёткость на максимум. Она в этот момент всё ещё рассматривала толпу за окном, неизбежно возвращаясь в пропитанное страхом и тревогой прошлое.

— Ты всегда в ответе за то, чему не пытался помешать... — по помещению разлетается скрипучий голос шерифа, в котором явно слышится недоумение. — Это что ещё за херня?

Он крутит головой, глядя на своих помощников в надежде, что хоть кто-то ему объяснит, зачем кому-то вырезать подобное на теле человека. Ответ приходит совсем с другой стороны.

— Сартр, — голос Хэйли после долгого молчания звучит глухо, с явной хрипотцой. Ей приходится прочистить горло и повторить, повернувшись лицом к копам. — Это Сартр. — Видит хмурые, ничего не понимающие взгляды. Скользит своим вниз, рассеянно отмечая, что так и держит в руках термocup с кофе. — Писатель такой был, философ. Француз.

Это сильно преуменьшенное определение, но Хэйли справедливо решает, что представителям местной ветки исполнительной власти ни к чему полный пересказ биографии этого человека.

— О... — шериф Брок с напускным знанием дела кивает. Хмурится, открывает рот, собираясь что-то сказать, но успевает передумать.

— Не знаете, в каком контексте эта фраза могла использоваться в данном случае, профессор? — интересуется помощник шерифа на вид примерно возраста Хэйли. Та переводит взгляд на задавшего вопрос и молчит несколько секунд, после чего медленно качает головой.

— Нет. Не имею ни малейшего понятия, — лжёт без запинки. Смотрит на шерифа. — Простите, я могу идти?

— Конечно, — кивает мужчина. — Как только у вас возьмут показания. Саммерс! — обращается к одному из своих помощников, тот кивает.

Хэйли вместе с помощником шерифа Саммерсом выходит из аудитории. Рассказывает всё с самого начала, не упускает ни одной детали, кроме той, что уже видела подобное. Просто не видит смысла, прошлое заперто, остановлено и не имеет никакого отношения к происходящему, в остальном — пусть полиция делает свою работу самостоятельно, она в консультанты не нанималась. Помощник шерифа не отпускает её дольше, чем нужно, задаёт какие-то странные, наводящие вопросы, но выжав, как он думает, из свидетеля всё, отпускает. Берёт напоследок контактные данные и просит позвонить, если вдруг профессор вспомнит что-то ещё.

Профессор перезванивать не собирается, потому что считает, что они справятся и без неё. Это вообще её не касается. Ей вообще не должно быть дела. Она не имеет к этому ни малейшего отношения. Так думает Хэйли, пока плетётся к выходу из здания, но тормозит у самой двери, запоздало вспомнив, что на улице ждёт толпа зевак. Нежелание попадаться им на глаза, да ещё и в таком виде, гонит её сначала в туалет. Попытки привести себя в порядок заканчиваются пониманием того, что в отличие от лица с рубашки кровь не стереть.

Выходит в коридор, рассеянно осматривается, действуя на автомате. Пытается припомнить где здесь есть какой-нибудь запасной выход, чёрный ход, задняя дверь, хоть что-то, когда слышит приглушённые, уже набившие оскомину, голоса. Шагает дальше, заворачивает за угол и замирает, встретившись взглядом с тремя парами настороженных глаз. Всё ещё бледный Дерек Мастерс, всё ещё зелёная Джой Кингсли и вполне себе розовощёкий Кэвин Райт. Вот этот, последний, задерживает взгляд Хэйли чуть дольше, чем остальные. У парня, должно быть, железные нервы.

— Вас уже отпустили? — спрашивает он, прокашлявшись. Реакция, дающая Хэйли понять — разговор был прерван на полуслове её появлением.

— Здесь где-нибудь есть неприметный выход? — отвечает вопросом на вопрос, вяло махнув рукой в сторону главного выхода. Студенты переглядываются. Дерек пожимает плечами.

— Пойдёмте, покажу, — говорит Кэвин, засовывая руки в карманы широких джинсов и нащупывая пачку сигарет.

Его друзья шагают следом, прижимаясь друг к другу сильнее обычного. Дерек плечом чувствует, как потряхивает Джой, и приобнимает её. Они узнали жертву. Джой встречалась с ним в прошлом году. Всего пару недель, но очень бурных. Хэйли шагает чуть впереди, сразу за Райтом и тот кажется ей слишком уж спокойным. Она прислушивается к тихим голосам, раздающимся за спиной, но быстро теряет интерес, возвращаясь мысленно к копам. Никого из них она не знает. Это удивляет, потому что получается, что всё небольшое отделение из прошлого распущено? Или что? Они заходят в просторный спортивный зал, пересекают его, не останавливаясь.

— Копы что-нибудь сказали? — посмотрев на неё через плечо и не сбавляя шага, спрашивает провожатый. Хэйли отрывает взгляд от носков своих ботинок и пару секунд смотрит ему в глаза.

— Просили позвонить, если что-то вспомню, — отвечает ровно.

Парень кивает, отворачивается.

— Нам сказали то же самое, — говорит как будто даже безразлично. Хэйли никак не комментирует это, а уже через пару минут Кэвин останавливается у неприметной двери. — Парковка будет справа, сразу за углом. — Достает ключи и отпирает замок.

Хэйли кивком благодарит за помощь, затем разворачивается и молча уходит, чувствуя пристальный взгляд, заставляющий ощущать дискомфорт. Оборачиваться, чтобы узнать кому

тот принадлежит, женщина не пытается, повинаясь единственному желанию — оказаться дома как можно быстрее.

Вечер и ночь проходят беспокойно, хотя она не может чётко сформулировать собственные мысли. Сегодня бабуля снова её не узнаёт и в какой-то момент Хэйли думает, что было бы лучше, если бы она так и не узнала внучку больше никогда. Ей приходится потратить приличное количество времени, чтобы уговорить бабулю не вызывать полицию. Та бушует, заявляя, что у неё был только внук и это совершенно точно не Хэйли.

Стараясь не мозолить ей глаза и не раздражать лишний раз, Хэйли скрывается в старом кабинете дедушки, давно почившего, и поднимается в свою комнату только тогда, когда стрелки уже давно минуют рубеж полуночи. Долго лежит, рассматривая причудливые тени, отбрасываемые ветками дерева на потолок, не замечает как засыпает с тем, чтобы проснуться уже через каких-то пару часов в холодном поту и с хриплыми криками.

Кажется, кошмары вернулись. Хреново. Если это не единичная акция неслыханной щедрости от её сознания и старый кошмар приснится снова, то там недалеко и до провалов в памяти. Ни один доктор так и не смог определить причину этого явления. Наверное потому, что Хэйли была не совсем честна с каждым из них и пыталась объяснить всё это обычным переутомлением, хронической усталостью и постоянным нарушением режима сна. Где-то глубоко внутри она давно знает все причины, но отказывается их признавать, потому что тогда придётся признать и всё остальное.

Следующий день, вся следующая неделя, проходят в гнетущем молчании, прерываемом только редкими тихими разговорами и то исключительно по делу. Она выдаёт лекции, раздаёт студентам задания, перекидывается парой слов с коллегами по работе, но делает всё это на автомате, будто если начнёт осознавать действия, придётся осознать и случившееся.

Она никак не контактирует с троицей студентов, но иногда, встретившись с кем-то из них взглядом, мимолётно выхваченном в потоке студенческих лиц, старается отвести свой как можно быстрее, чувствуя липкое, холодящее нечто. Будто их четверых связывает некая тайна. Что-то, что известно только им. Чувшь полнейшая, она это знает, никаких тайн между ними нет и быть не может, но никак не может отделаться от этого. Да и не особо старается, если честно, прекрасно понимая, что это наверняка обычное явление для переживших совместный травмирующий опыт. Коим несомненно и является обнаружение трупа, подвешенного, как какая-нибудь тушка представителя крупнорогатого скота. Кошмар повторяется снова и к пятнице решимость Хэйли прибегнуть к старому и проверенному способу отвлечься только крепнет. Она садится в машину, проводит в дороге чуть больше двух часов и паркуется у одного из клубов Портленда.

Секс без обязательств — отличное средство забыться и сбросить напряжение. Все эти годы Хэйли ни с кем не встречалась, не заводила отношений, избегала привязанностей. Ей нельзя. Она давно с этим смирилась. Но выход нашла и её всегда всё устраивало. Стабильно, раз в несколько месяцев, она приезжала в «Инферно», довольно быстро находила спутника на ночь, спускала тормоза, отдаваясь на милость ночи, в темноте которой всё выглядело иначе, и уже с рассветом снова становилась той, кого привыкла показывать миру. Которому, в общем-то, было глубоко плевать на самом деле. Хэйли устраивал такой расклад. Её даже не напрягало чувство тотального одиночества, стабильно усиливающееся с приходом нового дня после таких ночей. Оно обволакивало чем-то, с чем Хэйли знала как сосуществовать.

И в этот раз всё должно было быть точно так же.

Должно было, да, но то ли в её жизни наступила чёрная полоса, потому что все белые снюхал какой-то мудака, то ли, решив вернуться в Ороно, Хэйли вскрыла какой-то извращённый ящик Пандоры и всё полетело к чертям... как бы там ни было, в этот раз всё было иначе.

В этот раз партнёр её ночного randevu смотрел пристальнее. Не просто смотрел — *видел*, кажется. В этот раз, нетерпеливо скидывая с себя одежду, Хэйли впервые чувствовала себя

действительно обнажённой. В этот раз хватило одного взгляда и молчаливого следования за ней, стоило только поманить. В этот раз брали и отдавали с надрывом, не характерным для случайной связи. И кажется, не только Хэйли испытывала нервное изумление, притуплённое в моменте изрядной порцией алкоголя. Потому что мужчина, имя которого она не потрудилась запомнить, выглядел так, будто и для него что-то, происходящее за закрытой дверью номера мотеля, было в новинку, хотя в отличии от Хэйли, для него это имело скорее положительный эмоциональный окрас.

Впрочем, всё это она анализировала уже на трезвую голову, раздражённо вливаясь в поток машин следующим утром, шуря глаза от слишком яркого дневного света и глотая литры воды, не заостряя внимания на тревожных для неё звоночках. Она вернулась в Ороно во второй половине дня, ничерта не удовлетворённая и не сбросившая напряжение, до головной боли, отдающего в виски, прокручивая в голове все странности прошедшей ночи.

А в понедельник было обнаружено ещё одно тело.

От предыдущего его отличала лишь надпись, всё остальное было выполнено под копируку. Даже компания неудачников, это тело обнаруживших.

Джей Картер, тридцатипятилетний детектив полицейского управления Портленда, уже добрые полчаса сверлит взглядом въездной знак на границе города Ороно, скуривает третью подряд сигарету и пытается вернуть себе спокойствие. Он никогда не был в этом месте, но почти треть своей жизни ненавидит его всей душой. Официально Джей в командировке.

— Я отпускаю тебя на две недели, Картер, — два дня назад говорил ему начальник полиции Чак Ловелл, щуря правый глаз от дыма и топя окурки в вечно переполненной пепельнице, неизменно стоявшей на его столе. — Две недели, липовый семинар и уложись в тысячу. Или, — немного подумав, добавил, — можешь использовать собственные средства, я не буду против. — Выдохнув сизый сигаретный дым через ноздри, чуть нахмурившись, мужчина в возрасте посмотрел цепким взглядом на своего подчинённого. — Понял?

— Вполне, — кивнув, ответил тот незамедлительно. — Но почему я не могу поехать туда без всех этих идиотских маскировок? — Джей знал ответ, но хотел услышать. Ловелл тяжело вздохнул, откинувшись на спинку рабочего кресла.

— Ты же знаешь почему, — ответил, секунду спустя усмехнулся и покачал головой. — Это дело не наше. Убийства происходят вне нашей юрисдикции. Жертвы не являются жителями Портленда. И ты, засранец, вцепился в него по личным мотивам. — Тут Картер отвёл взгляд. — Я могу куда тебя не отпускать, но тогда ты придумашь какую-нибудь идиотскую отмазку и всё равно сорвёшься в Ороно. И когда тебя поймут за превышением полномочий, получишь не только ты, но и я, и весь Департамент...

— Никто не собирается превышать полномочия, — недовольно ответил мужчина, чем заработал саркастичный взгляд.

Начальник полиции не глядя открыл верхний ящик стола, достал довольно толстую папку и шмякнул её на стол, после чего наклонился вперёд, облокотившись на столешницу.

— Да правда что ли? Напомнить, как прошло одно из твоих последних задержаний? — поинтересовался с ухмылкой, открывая папку. — Или то, что было в прошлом месяце? За два месяца до него? — Он с напускным преувеличенным интересом разглядывал содержимое папки, пока перечислял. В конце концов остановился, глянув с насмешкой.

— Преступники за решёткой, не понимаю в чём проблема, — фыркнув, ответил Джей.

— Власти города твоей уверенности не разделяют, — заметил начальник, а после отмахнулся, как от чего-то незначительного. Его взгляд стал серьёзным и Джей понял, что сейчас тот скажет то, чего он хотел бы избежать. — Я свяжусь с местным шерифом, он мой старый

должник, но ты должен понимать, что никто не отдаст дело в твоё единоличное расследование, — дождавшись кивка, снова вздохнул. — Джей, может не нужно? Они сами там разберутся...

— В прошлый раз нихрена подобного не случилось и мы имеем новую серию убийств, — ошетилившись, ответил тот. Спокойно выдержал пристальный тяжёлый взгляд начальника и уголок его губ едва заметно дёрнулся, потому что Джей понял, что своё получит.

— Да и хрен с тобой, заноза в заднице, — с напускным раздражением Ловелл снова откинулся на спинку кресла. — Иди уже, — прекрасно понимая, что никак не отговорит детектива, проворчал. Картер новых уговоров ждать не стал, сразу же покинув кабинет. — И води там себя прилично!

Он слышал приглушённый голос начальника, фыркнул бесшумно и ни на секунду не остановился, потому что ему нужно было торопиться. Его взаимоотношения с начальством давно перешло все границы субординации, некоторые в отделе его за это недолюбливали, но никто ничего не говорил. Во всяком случае в глаза. Процент раскрываемости преступлений у детектива Картера был самым высоким среди всего Департамента, так что мелкие поблажки были ему обеспечены. Хотя в любимчиках у Ловелла Картер ходил не только поэтому. Всё было проще и банальнее — Чак Ловелл был лучшим другом его отца и, как следствие — крёстным Джея. Он был на выпускном тогда ещё молодого парня из Академии. На самом деле он был единственным из его близких, кто присутствовал на выпускном. Так что Джей бессовестно пользовался своими связями, не видя в этом ничего предосудительного, ведь отлично выполнял свою работу.

Но был у него незакрытый гештальт, не дававший ему найти внутреннее спокойствие, гоня ночами на улицы, заставляя рисковать без нужной на то необходимости.

И, кажется, жизнь подкинула ему отличную возможность наконец закрыть это дерьмо.

Насколько Джей знал, два убийства уже произошло и он точно знал, что это не конец. У него действительно был личный интерес, о котором знали лишь единицы. Материалы дела, результаты экспертизы, стенограммы опросов свидетелей, фотографии и прочее он получил за сутки до своего отъезда из Портленда и провёл бессонную ночь, изучая всё это.

Все эти материалы сейчас лежат в картонной коробке на заднем сидении его Импалы. Служебный девятимиллиметровый «Глок» приятной тяжестью чувствуется в наплечной кобуре. Не служебный, но соответствующий всем принятым параметрам, девятимиллиметровый «ЗИГ-зауэр», оттягивает пояс джинсов, дожидаясь своего часа в кобуре скрытого ношения. Ружьё «Ремингтон 870» и винтовка «Кольт АР-15» упакованы и убраны в багажник по всем правилам безопасности.

Он собрал всё, что у него было, потому что ехал на охоту за зверем.

Однако, уже полчаса никак не может заставить себя пересечь границу города и избавиться от чувства, будто это будет точкой невозврата. Чем-то, что поделит жизнь на самое фатальное «до» и «после».

— Да ну нахер...

Джей злится. На самого себя. Потому что прекрасно понимает степень глупости собственного поведения. Поэтому выкидывает недокуренную сигарету, заводит двигатель и едет сквозь небольшой город напрямик к кампусу университета, нигде не задерживаясь. Материалы дела он видел, судмедэксперт вернётся в участок к вечеру, так что поговорить с ним он сможет только тогда. А вот люди, по странному стечению обстоятельств обнаружившие оба тела, сейчас в кампусе. Да, он читал их показания, но это не тоже самое, что слушать человека, глядя ему в глаза. Так что он собирается опросить всех ещё раз самостоятельно. Потому что давно доказано, что Лаплас не ошибался и один — это случайность, два — совпадение, а три — закономерность. Довольно подозрительная в контексте убийств и обнаружения тел.

На самом деле он должен бы был сначала заехать в участок, поприветствовать местного шерифа, поблагодарить за готовность к сотрудничеству, бла-бла-бла... У Джея нет времени

на все эти расшаркивания. Ловелл его за это по голове не погладит, конечно, но сейчас это кажется пустяком.

Детектив паркуется на полупустой стоянке перед главным зданием университета. У первого встречного спрашивает где ему найти профессора Хэйли Маршалл, решив сначала переговорить с ней. Без особых трудностей находит нужный кабинет.

Трудности начинаются, когда он, быстро постучав и получив ответ, открывает дверь. В небольшом помещении его взгляд сразу же цепляется за единственного находящегося здесь человека, стоящего у окна, спиной к двери, наливающего в кружку кипяток.

Где-то под рёбрами детектива начинает неприятно посасывать от укола узнавания. Взгляд фокусируется на как будто бы знакомом затылке. Пальцы крепче обхватывают ручку двери.

— Добрый день, — он хмурится, потому что собственный голос какого-то хера кажется чужим. — Я ищу профессора Мар...

Не договаривает, потому что человек напротив оборачивается, вопросительно приподняв брови. Рука, сжимающая ложку, замирает меньше, чем на секунду, после чего Хэйли Маршалл как ни в чём не бывало продолжает помешивать горячий кофе, ожидая продолжения.

Джей не то, чтобы робкого десятка и его уже давно сложно застать врасплох — особенности работы вытравили из него подобные ненужные вещи — но он молчит. И смотрит. Потому что несколько дней назад целовал вот эти губы, чувствовал под собой вот это тело и с готовностью позволял затягивать себя в дурманящую синеву вот этим глазам. Реакция Хэйли приводит в замешательство, вылившееся в простое, нелепое и всем известное, скользнувшее удивлённо недоуменным:

— Бля...

Глава 2.

«Бля» — не совсем подходящее слово. Так думает Хэйли, оставаясь внешне невозмутимой, холодно отстранённой, тогда как внутри неё бурлит, пузырится и лопаётся спектр пока неопознанных эмоций. Она смотрит на человека, переступившего порог кабинета, и пытается понять в какой момент феерично проебалась, раз жизнь решила так знатно над ней постесбаться? В смысле, ну да, она часто думала, что жизнь её — один сплошной сгусток скуки и тусклых, однотипных дней-ксерокопий, но не припомнит, чтобы обращалась в какую-нибудь канцелярию грёбаную с просьбой исправить данный факт. Как отключить функцию? Алё, отмена где?! Она не заказывала этот идиотский аттракцион...

Нелепая неловкость, почти осязаемая, витает в воздухе между ними, заползает в каждую щель и, кажется, собирается остаться здесь надолго, растягивая секунды молчания, окутанные фантомным ощущением чужих рук на коже, до бесконечности. Той самой, которую разбивает голос, запомнившийся профессору хриплым, жарким шёпотом.

— Так значит профессор...

Джей неосознанно закрывает за собой дверь, отрезая их от шумных коридоров, глупо трёт затылок и криво усмехается, показывая своими действиями, что факт узнавания состоялся. Думает, что это вот действительно неожиданность. Просто потому, что ни распущенные светлые волосы, ни бледная кожа, ни кожанка, кольца в ушах и на пальцах, совсем не ассоциируются с профессорским костюмом.

Справедливости ради стоит заметить, что и сам Джей не особо напоминал копа в ту ночь... но это ожидаемо, да? Именно этого ищут посетители «Инферно», так? Переступая порог клуба, ты можешь притвориться кем угодно, забыть на ночь о том, что оставил в тёмном, сыром переулке за дверью. Мысли мечутся в черепной коробке со скоростью света и детектив пытается вспомнить, думал ли о том, кем является тогда ещё незнакомая, зацепившая его чем-то женщина. Найти воспоминания подобного рода не выходит. Зато стоп-кадрами вспыхивают особо яркие моменты, высушивающие глотку до состояния Сахары. Детектив прочищает горло, заметив вопросительно изогнутую изящную бровь. Вытягивается по струнке, хмыкнув навязанной профессором игре.

— Джей Картер, детектив. Мне нужно задать вам пару вопросов относительно найденных тел.

Напрягает губы, стараясь не выпустить на свободу ухмылку, вызванную реакцией Хэйли. Не знает причин такого поведения, быстро накидывает пару вариантов и в конечном итоге решает, что это не так важно. С некоторой тревогой отмечает собственные реакции и понимает, что рад неожиданной встрече сильнее, чем нужно бы.

Джей — одиночка. Не из тех депрессивно мрачных типов из кино, а в меру весёлый, в меру циничный, оправдано саркастичный. Он давно привык жить один, не страдая от этого. Но где-то глубоко в нём жило понимание, что человеку нужен человек. Рано или поздно. Он не искал этого, просто не мешал случаю.

А потом он решил отдохнуть в месте, которое давно знал.

И встретил человека, приковавшего его внимание с первого взгляда.

Джей заметил её сразу. Хэйли сидела у барной стойки, в толпе танцующих людей. Выделялась, являясь единственным чётким ориентиром в массе смазанных лиц. Джей никогда не хотел узнать кого-то настолько сильно.

— Вот как. — Хэйли садится за свой стол. — Мне казалось, я уже рассказала всё, что мне было известно, вашим коллегам.

Она очень по-профессорски кладёт локти на подлокотники и сцепляет руки в замок над животом. Детектив, не дожидаясь приглашения, хватается за стул, ставит его напротив стола и бесцеремонно садится, попытавшись очаровательно улыбнуться. По ставшему чуть более заметному прищурю глаз напротив понимает, что скорее всего «очарование», как обычно, перетекло в оскал чокнутого бурундука. Да и ладно.

— Да, я читал показания, взятые у всех свидетелей, но тут такое дело... — выдерживает многозначительную паузу. — Я привык самостоятельно опрашивать свидетелей, понимаете? — наклоняется вперёд и понижает голос на полтона. — Ну, личная встреча, глаза в глаза, возможность отслеживать невербальные сигналы...

Джей замолкает, продолжая поглядывать на собеседницу, и с ужасом осознаёт, что пытается коряво флиртовать, напрочь забыв об истинной цели своего визита. Хэйли смотрит на него несколько секунд с явными признаками искреннего недоумения, проявившимися на её обычно невозмутимом лице. Она усиленно пытается понять какого чёрта вот этот вот человек, детектив, расследующий не пропажу соседского кота, а убийства, УБИЙСТВА! строит ей глазки? Хэйли давно уже в совершенстве овладела искусством запинывать ненужные мысли подальше. И параллельно думать о двух вещах сразу — об одном говорить, а второе прятать где-то на задворках сознания. Как результат — Хэйли понимает всю прелесть того, что детектив Картер в их первую встречу почти не говорил, ибо теперь осознаёт, что открой тот рот, то, скорее всего, они разошлись бы сразу же, как только вышли из клуба.

— Понимаю, — кивает, — но, к сожалению, ничего нового рассказать не могу. — Садится ровнее, принимаясь перебирать бумаги, явно намекая на то, что ей немного не до детектива.

— А мне всё и не нужно.

На этот раз улыбка Джея отдаёт чем-то зловещим. Он лезет во внутренний карман своей куртки и достаёт небольшой чёрный блокнот, быстро находит нужную страницу и, чуть хмурясь, начинает читать:

— Фразы «Ты всегда в ответе за то, чему не пытался помешать» и «Каждое слово имеет свои последствия. Каждое молчание — тоже», — поднимает голову, смотрит в глаза открыто, прямо, — оставленные на телах жертв, принадлежат авторству одного человека. — Замолкает. Хэйли кивает. — Нет идей, с какой целью эти послания были оставлены?

— Разве это не работа полиции — искать ответы на вопросы?

Против её воли на лице проступают первые признаки раздражения навязанной компанией, что не остаётся незамеченным. Ей не нравятся эти вопросы, не нравится пронизательный взгляд, не нравится, что её заставляют вспоминать. И Хэйли не уверена, какие именно воспоминания последней недели раздражают больше. Джей дежурно улыбается.

— Разумеется, но было бы интересно узнать мнение профессора литературы.

— Не думаю, что моё мнение может как-то помочь. — Опускает взгляд, возвращаясь к документам. — И, как сказала ранее, ничего нового я вам не сообщу. Так что прошу прощения, у меня много работы.

Зрительный контакт по-прежнему утерян без гарантии на восстановление и Джей, наконец, отключает идиота.

— Знаете, что десять лет назад в этом городке произошла подобная серия убийств?

Желудок Хэйли ухает вниз, затем вверх и снова вниз, растекаясь внутри желчной горечью и тошнотой. Организм реагирует, выбирая лучшей защитой агрессию.

— Понятия не имею, о чём вы говорите. — Взгляд гипнотизирует материалы лекций сегодняшнего дня. — Я рассказала всё, что знала, поэтому покиньте мой кабинет и не тратьте моё время.

Такая резкая и явная смена настроений приводит Джея в замешательство, но не останавливает его рот, язык и голосовые связки.

— А волшебное слово?

В голосе слышится очевидная, хоть и беззлобная, насмешка, но Хэйли мало волнуют такие нюансы. Она вдруг осознаёт, что всего за несколько минут коп достал её до печёнок. Руки, перебирающие что-то на столе, замирают. В Джея врежется взгляд исподлобья.

— Идите на хер.

Сказано с исключительно вежливой интонацией и настолько не сходится со смыслом фразы, что детектив на секунду замирает, после чего театрально хватается за сердце и откидывается на спинку стула.

— О, вы перегибаете с волшебством!

Листы распечаток, сложенные в небольшую стопку, с силой стучат о столешницу. Детектива обстреливают ехидством, оружием служит взгляд. Боже, ну что за идиот?

— Простите, а вы точно детектив? — уточняет профессор.

Во взгляде Хэйли проскальзывают уже знакомые Джею тени язвительности и мужчина широко улыбается. Признаёт собственную оплошность, понимая, что должен был начинать с более тщательного анализа имеющихся материалов по делу. В участке. Не в университете. Хотя в собственной поспешности находит и плюсы — теперь изучать свидетелей будет в разы интереснее. Ну, в смысле одного конкретного свидетеля. Он молча встаёт, задвигает стул, делает пару шагов назад. Зрительный контакт не разрывает.

— Мне хотелось бы поговорить с вами, когда будет удобно... вам, — говорит, сохраняя на губах слабую улыбку.

— Мне больше нечего добавить, — как заведённая повторяет Хэйли.

Джей на секунду отводит взгляд, обрабатывая информацию и собственные наблюдения. Снова смотрит на неё, больше не улыбается.

— Умирают люди, профессор Маршалл. Студенты. И я уверен, что ещё ничего не закончено. Так что хотите вы или нет, но, — кривит губы, пожав плечами, — придётся говорить и отвечать на вопросы столько, сколько будет нужно следствию. Я мог бы оформить всё в более официальный запрос, вызвать вас в участок, но не делаю этого, даю возможность выбрать удобное место и время. Подумайте об этом. — Расслабленно пятится к двери всё то время, что говорит и, закончив, хватается за ручку двери. — Хорошего дня.

Хэйли не произносит ни слова, взгляда не отводит и тогда, когда за детективом закрывается дверь. Не сразу понимает, что не дышит почти, пытаясь осознать, что Джей Картер, похоже, здесь надолго. Засунуть голову в песок, делая вид, что ничего между ними не было, он Хэйли не даст.

Вечер в студенческом общежитии проходит не так шумно, как обычно. Привычные атрибуты общажной жизни, такие как: музыка, доносящаяся с разных концов и разных жанров, громкие разговоры, споры, смех, хлопки дверей и, конечно же, алкоголь, реже травка и прочие запретные удовольствия, сейчас как будто бы выкручены на минимум. Комната четырёхста пять, рассчитанная на проживание двух человек, также утратила свою обычную атмосферу.

Комната погружена в полумрак. Единственный источник света — настольная лампа, стоящая на заваленном учебниками и конспектами столе Дерека и экран игровой консоли, за которой сидит Кэвин. Джой в комнате нет, хотя обычно она торчит здесь круглосуточно. Девушка вообще с самого первого дня нового учебного года стала вести себя совсем иначе. Оно и понятно — двое убитых студентов, оба обнаруженных тройцей и новеньким профессором, при жизни имели удовольствие (или нет, это как посмотреть) в разные промежутки времени встречаться с Джой. И глупое ли это совпадение или чей-то злобный умысел, никто не знал, но лёгкий флёр второсортного триллера нагнетал и без того напряжённую обстановку.

Парни заметили, что их подруга стала молчаливой и задумчивой, перестала бегать на легкомысленные свиданки и вечеринки, предпочитая большую часть времени проводить в компании исключительно двух своих друзей. Но Джой отсутствует уже три часа и они начинают проявлять беспокойство, выраженное в редких молчаливых переглядываниях.

— Может, позвонить? — тихо спрашивает Райт.

— Ты не хуже меня знаешь, что она не ответит, — говорит Дерек, не поднимая головы от учебника.

— Я беспокоюсь за неё, — признается парень, ставит игру на паузу и смотрит на своего собеседника. Точнее на его спину. — Это... ну, стрёмно. Все эти убийства и послания. Она с тобой не говорила об этом?

Дерек отрывается от домашней работы, поворачивается полубоком, закинув руку на спинку стула.

— Нет. А с тобой?

Кэвин видит неподдельное беспокойство, чувствует странное облегчение, понимая, что не только он волнуется за неё и не преувеличивает, а после качает головой, досадливо поджав губы.

— Нужно вытащить её куда-нибудь, чтоб развеялась, — предлагает Мастерс. — Выходные на носу, не хочешь смотаться в Портленд?

Кэвин не сдерживает насмешливого взгляда, который пытается замаскировать под удивлением.

— Наш главный зубрила готов пожертвовать выходными, которые мог бы потратить на то, чтобы самозабвенно грызть гранит науки? — поддевает, не сдержавшись, за что получает небольшую подушку в лицо. Тихо смеётся. — Да я-то не против, но не уверен насчёт Джой.

Смех затихает, на лице проскальзывает встревоженная задумчивость, порождающая в наблюдательном Дерекe те же ощущения.

— Что? — спрашивает он, оставив свои учебники и отдав всё своё внимание другу.

Тот кидает на него быстрый взгляд, отводит его, закусив губу. Бегают пальцами по кнопкам джойстика и невесело усмехается.

— Да так... — замолкает, устанавливает зрительный контакт и решает всё же продолжить: — Парни из моей команды сегодня на тренировке сплетни распускали...

— О чём?

— Фил и Ли говорят, что несколько лет назад в кампусе, вроде бы, происходила та же херня, что и сейчас. — Снова усмехается. Нервно тербит зубами пирсинг в губе.

— Убийцу нашли? — удивлённый услышанным, спрашивает.

— Неа. Вроде как был подозреваемый, но, кажется, никаких результатов это не дало. Так вот я тут подумал, может... попытаемся узнать что-то ещё об этом?

Ему совсем не улыбается выставлять себя паникёром, но происходит что-то странное. Мастерс молчит достаточно, чтобы заставить парня начать жалеть о высказанном предложении.

— Ну, полиция навряд ли поделится информацией, — наконец говорит он, — но в архиве местной газеты должно быть что-то. Город маленький, то дело наверняка было громким, ведь нехарактерно для подобных мест. Так что газетчики скорее всего высосали из этого всё, что могли, — замолкает, пожав плечами.

— Можно попробовать, — оживившись, кивает Кэвин.

Дерек чуть заметно улыбается. Невольно бросает взгляд на настенные часы. Довольно поздно. Он уже почти предлагает всё же позвонить Джой, когда дверь открывается и в комнату заходит потеряшка. Голова, спрятанная под глубоким капюшоном чёрной худи, низко опущена, понурые плечи и унылая походка говорят сами за себя.

— Ну наконец-то! — крутанувшись на месте, восклицает Райт. Отбрасывает джойстик.
— Тебя где носило? Знаешь же, что охрана кампуса патрулирует территорию после заката.

Кингсли шагает к его кровати, по нетвёрдой походке парни понимают, что она нетрезва как минимум. Про максимум им думать не хочется. Джой падает на кровать лицом вниз и больше не шевелится.

— Джой? — пытается дозваться Кэвин.

Девушка вздыхает, обнимает подушку и отворачивается.

— Я словила МакКонахи, отвали.

— ...чего?... — переспрашивает, растерянно смотрит на Дерек.

— Пала духом, внезапно приуныла, — перечисляет будничным тоном, возвращаясь взглядом к учебникам, — погрузилась в ницшеанские настроения и вообще охуела от жизни.

Джой поворачивается набок, к ним лицом, скрещивая руки на груди, молча смотрит, в ответ получает пару внимательных взглядов.

— Мне не нравится новый учебный год, — признаётся уныло. Секунду спустя: — Как думаете, кто убийца? — задаёт вопрос, ставя парней в тупик.

— Да нам-то откуда знать? — вопросом на вопрос отвечает тот, хмурит брови.

— Мы учимся на факультете психологии, изучаем людей, неужели не думали об этом? — Джой садится, спуская ноги с кровати и наступает на пятки, снимая кеды.

— У нас немного другое направление, — напоминает Кэвин, трёт затылок. Кингсли, шумно выдохнув, падает на спину, уставившись в потолок.

— Почему люди вообще убивают других людей? Да ещё и таким изощрённым способом...

Она не обращается к кому-то конкретно, вообще звучит так, будто просто размышляет вслух. Вытягивает руку над собой и разглядывает собственные пальцы, не замечая взглядов, которыми обмениваются её друзья.

— А сама как думаешь? — интересуется Дерек, откладывая конспект и двигаясь к самому краю кресла. — Кто, по-твоему, убийца?

Они оба превращаются в слух, поддавшись мрачному настроению девушки, внимательно смотрят, решив, что та наконец поговорит с ними и, может, немного облегчит собственные угнетающие мысли. Но Джой внезапно тихо смеётся. Весело, почти беззаботно. Почти так, как делала это всегда до недавнего времени.

— Да мне то откуда знать? — спрашивает, повернув к ним голову. — Это может быть кто угодно, — улыбка тает, в нетрезвом взгляде проскальзывает что-то странное. — Да хоть ты, Дерек.

— Чего? — Брови парня взлетают к линии роста волос.

— Ну да, — Джой усмехается. Снова поворачивается на бок и подпирает голову рукой. — Ты усердно учишься и стараешься во всём добиться лучших результатов. Напряжение и давление извне, постоянный недосып и хроническая усталость. Вот тебя и переклинило. — Пожимает плечами. Переводит взгляд на Райта. — Или ты. — Тот кривит губы в саркастичной усмешке. — Мы ведь толком ничего не знаем о твоём прошлом. Появился неоткуда, угрюмый и вечно держащийся в стороне от социальной жизни кампуса. Чудо вообще, что мы с Дерексом умудрились попасть в круг твоих близких. Часто молчишь. Умён больше, чем показываешь. С физической подготовкой тоже всё в порядке. Не заводишь связей, ни с кем не встречаешься. Это... подозрительно. Чувак, студенческая жизнь просто создана для того, чтобы пить, трахаться и не думать о завтрашнем дне! Ну! Вот я и подумала. — Снова садится, недолго молчит, играя в гляделки с Кэвином. — Что, если ты умело скрывающийся психопат? Ммм?

Он награждает её тяжёлым взглядом. Чувствует, что Дерек смотрит на него, но не отвечает тем же. Сам смотрит на Кингсли, чуть щурит глаза, видит в тех, что напротив, почти незаметный проблеск вызова, и подхватывает игру.

— Ну, как вариант, может быть. — Лицо Дерекса вытягивается в удивлении. — Или... это можешь быть ты.

— О, правда? — Джой скалится. — Это ещё почему?

— Модель держашегося в стороне, мрачного, молчаливого парня так же подходит под скрывающегося психопата, как и вечно веселящаяся, чересчур активная, трахающая всё, что движется, мамзель, всегда находящаяся в центре внимания, — отвечает с улыбкой. — К тому же обе жертвы прошли через твою кровать, — напоминает. — Обаяшку Банди тоже все обо-жали.

— О, спасибо за обаяшку, — расплываясь в довольной улыбке, говорит Джой.

Оба замолкают, не прерывая зрительного контакта. Под соусом стёба и несерьёзности Дерек улавливает почти незаметное напряжение.

— Так, — влезает, — ну всё, придурки. Завязывайте, — брюзжит, списывая на усталость своё странное наблюдение.

«Придурки» моргают и оба смотрят на него. Кэвин принимает свой обычный вид, постоянной составляющей которого является «да плевать вообще» ухмылочка. Кингсли снова валится на кровать, громко фыркнув. Дереку не нравится. Вот вообще ничего не нравится. За два с лишним года, с первого дня их знакомства с Райтом, было всё от довольно жесто-ких розыгрышей, до настоящих ссор, которые, правда, довольно быстро заканчивались из-за неконфликтности Джой и способности Кэвина не заострять внимание на подобных вещах. И то ли сказывается упомянутая Кингсли хроническая усталость, то ли события последних дней, но Мастерс впервые думает о том, что возможно просто чего-то не замечал.

— Мы думаем смотаться в Портленд, — оповещает он, лишь бы заполнить тишину его нервировавшую. — Или в архив местной газетёнки. Ещё не решили. Ты с нами?

Джой слишком уж поспешно поворачивает голову в его сторону.

— Зачем в архив?

— Ну, — Дерек быстро переглядывается с Кэвином, тот пожимает плечами. — По кам-пусу ходят слухи, что несколько лет назад здесь уже происходила серия подобных убийств и убийцу не нашли. Хотим посмотреть о чём писали в те дни.

— Зачем? — снова спрашивает, вздёрнув брови.

— Потому что интересно, — фыркнув, отвечает Райт вместо Дерекса.

Берёт джойстик и возвращается к игре, не дожидаясь ответной реакции, которая следует несколько секунд спустя.

— Окей. Раз вы собираетесь зарыться с головой в пыльные пожелтевшие страницы ста-рых газет, кто я такая, чтобы оставлять вас на растерзание паукам? Идём в архив, — широко и очаровательно улыбаясь, говорит Джой.

Джей подъезжает к полицейскому участку и глушит двигатель. Мысли о встрече с Хэйли всё ещё крутятся в голове, но он отмахивается от них. Перепрыгивая через ступеньки, пере-ступив порог участка, быстро находит дежурного, иронично отмечая характерную для малень-ких городов атмосферу, демонстрирует свой значок копу, у него же интересуется где может найти шерифа, а получив в ответ досадное: «Шериф Брок сейчас на встрече с мэром города» и уточнив примерное время его возвращения, Джей выходит на улицу, прикуривает сигарету, отойдя в сторону от двери.

Его взгляд останавливается на непримечательной вывеске здания напротив. Недолго думая, детектив бросает окурочек в урну и переходит дорогу. Здание морга встречает его тиши-ной и прохладой, воздухом, пропитанным едва уловимым запахом каких-то химикатов. В отличие от полицейского участка, здесь его не встречает никто, поэтому мужчина, постояв с

полминуты в холле и осмотревшись, шагает в тусклый длинный коридор, прислушиваясь. Судмедэксперта, может, и не будет до вечера, но кто-нибудь должен здесь быть, раз двери открыты. В какой-то момент он уже начинает думать, что ошибся и здесь никого нет, а здание открыто, потому что жители маленьких городов частенько так делают. Полнейшая безалаберность и глупость, конечно, но кто его спрашивает?

Слух улавливает что-то, похожее на стрёмненькие завывания, странным образом отозвавшиеся в нём узнаванием, будто знакомую мелодию пропустили через пасть жующего гиппопотама, а потом попытались собрать воедино — вроде бы встречаются знакомые фрагменты, но их недостаточно, чтобы идентифицировать первоначальную форму. Джей меняет направление, шагая на звук и тормозит у чуть приоткрытой, спрятанной в небольшом коридорном ответвлении, двери. Толкает сразу, испытывая лёгкое праздное любопытство и замирает, как и его брови, устремившиеся к линии роста волос.

Причина такой реакции стоит к нему спиной, комично виляет задом, явно подпевая какой-то песне, играющей в наушниках. Кисти рук женщины в крови, справа от неё на небольшом столике лежит несколько органов — Картер распознаёт почку и печень, дальше не вглядывался — перед ней лежит вскрытое тело. Судя по халату, перчаткам, очкам и маске, Джей смотрит на местного... судмедэксперта? Патологоанатома? Или всё вместе? Судя по тому, как она только что развернулась к нему полубоком и пропела строчку песни, которую он не узнал, в окровавленный скальпель — дамочка вполне может оказаться сбежавшей из психушки постоялицей.

Пока детектив морщит лоб и кривит губы в ироничной усмешке, объект его наблюдений замечает постороннего и реагирует весьма бурно — верещит, отпрыгивая назад, роняет скальпель. В первую секунду Джей хмыкает. Во вторую переступает порог одновременно с этим подцепляя цепочку, на которой висит его значок, пальцем и демонстрируя.

— Ммммать моя женщина... — пищит дамочка.

— Подрабатываете капитаном Очевидность? — интересуется Картер. — Детектив Картер.

— Мэгги Розенталь. Вы приехали из Портленда, но Брок так толком и не объяснил зачем, — перебивает она, принимая всё более недовольный вид. — Вас там стучаться не учили что ли?

Она шарит взглядом по полу, находит скальпель, который обронила, поднимает, кидает на пустой металлический стол. Поворачивается к незваному гостю спиной. Джей не видит её лица, но готов поспорить, что она в этот момент корчит гримасы. Его совершенно точно отчитывали, чего не случалось уже... да Картер и не помнит даже, когда его в последний раз отчитывали, как школоту. Молчит. Слушает. Наблюдает. Перед ним стоит женщина бальзаковского возраста с очаровательными рыжими кудряшками, огромными очками на носу, метр с кепкой и совершенно неподходящей для её работы внешностью. Джей видел её отчёты в материалах дела, но представлял себе местного судмедэксперта совсем иначе.

Мэгги продолжает ворчать себе под нос, вернувшись к прерванному занятию, и это вкупе с её внешним видом абсолютно не желает укладываться в голове Картера.

— Прошу прощения, я не хотел вас напугать, — говорит он, шагнув вперёд и чуть наклонив голову в попытке установить зрительный контакт.

Его одаривают колючим взглядом, который таковым перестаёт быть уже через секунду. От его извинений отмахиваются, пробормотав: «Да ладно, сама виновата...», вызвав лёгкую улыбку. Детектив, осмелев, подошёл ближе и покосился на стол. Кем бы ни был человек, тело которого сейчас на нём лежало, жертвой нужного Картеру убийцы он точно не является.

— Кто это? — задаёт вопрос.

Мэгги отходит к раковине, стягивает перчатки, тут же достаёт новые.

— Не ваш клиент. Результаты экспертизы по интересующему вас делу находятся у шерифа, — добавляет, снова подходя к столу и сосредоточившись на работе.

— Да, я видел их, — сообщает Джей. Мэгги кидает на него быстрый взгляд. — Но хотел бы поговорить лично. Об обнаруженных телах жертв и о тех, которые находили десять лет назад. Есть ли какие-то отличия...

— Я не могу ответить на ваши вопросы относительно дела десятилетней давности, — снова перебивает его женщина монотонным голосом, свидетельствующим о том, что она сейчас сосредоточена на работе. — Я не работала здесь тогда.

— Хм... — Детектив раздражённо трёт бровь. — Это не проблема. Я могу поговорить о прошлом с кем-то из участка.

— Не думаю, что у вас получится, — сообщает Мэгги, проталкивая пальцами под кишечник своего «клиента». Картер хмурится. Их взгляды встречаются и на какую-то долю секунды он видит что-то, что распознать не успевает. — Я могу просмотреть старые результаты экспертизы, сравнить характер нанесённых ран. Не могу обещать стопроцентного результата.

— Буду премного благодарен, — кивает мужчина. Женщина кидает безразличное «угмс». — А что вы имели в виду, говоря, что не думаете будто я смогу поговорить с кем-то о том деле? — решает всё же уточнить.

Мэгги распрямляет спину, смотрит на Картера странным, долгим взглядом, прежде чем сказать:

— Все из участка так или иначе умерли в течении разных промежутков времени. — Она говорит и в груди Джея шевелится что-то зловеще неприятное. — Штат сотрудников за эти годы полностью поменялся, так что... — Мэгги пожимает плечами, возвращаясь к своему клиенту. — Можно, конечно, попробовать спиритический сеанс... — предлагает деловито, поднимает взгляд, видит неприкрытый сарказм в глазах напротив и отвечает полуулыбкой. — Шучу, конечно.

Издаёт удовлетворённые мычание, добравшись до поджелудочной, кажется, совершенно потеряв всякий интерес к визитёру. Джей, засунув руки в карманы, наблюдает, в который раз рассеянно думая о том, что люди её профессии всегда окутаны жутковатым флёром нереальности и капли неадекватности.

Под почти неслышное мычание женщины, всё ещё напоминающее загробный вой нежели какую-то мелодию, мысли детектива возвращаются к полученной от неё информации. Все копы, работавшие над делом в прошлом мертвы. Это не просто настораживает, буквально зажигает в голове все сигнальные огни.

— Как они погибли? — спрашивает несколько минут спустя.

— Полицейские или студенты? — уточняет женщина, не поднимая головы.

— Первые. Ваше заключение о вторых я читал.

— Кто как, — пожимает плечами. — Кто-то от несчастных случаев, кто-то из-за внезапных инфарктов и аллергической реакции... — продолжает будничным тоном. — Их будто проклинали после того дела, — фырчит раздражённо. Джей мысленно делает пометки узнать об этом подробнее. — Поговорите об этом с Броксом. Он был первым, кто прибыл на замену, так что имел сомнительное удовольствие наблюдать за этим процессом с первого ряда.

— Так и сделаю, — кивает. — Когда вы посмотрите отчёты по прошлому делу? Хотел бы услышать мнение эксперта.

— А на тела убитых сейчас посмотреть не хотите? — вздёрнув бровь, интересуется она, прервавшись и подняв голову.

— Позже, — следует короткий ответ.

Картеру не нужно видеть их тела, он читал отчёты. И видел жертв прошлой серии убийств. Он сделает это позже, когда судмедэксперт ознакомится с отчётами и сможет точно сказать есть ли отличия и если есть, то какие, наглядно показав на примере убитых в этот раз.

— Приходите завтра, тогда я буду готова ответить на ваши вопросы.

Женщина, крикнув от натуги, водружает кишечник на весы, стоявшие сбоку и щурится, разглядывая результат. Джей хмурится, знает, что это стандартная процедура при вскрытии, но, кажется, никогда не привыкнет к этому. Он оставляет Мэгги с её работой, договорившись о встрече в первой половине завтрашнего дня, и шагает к выходу, задумчиво глядя перед собой. Наконец-то мысли об убийце и деле вытеснили из головы всё ненужное и анализ информации занял всё пространство. Детектив выходит на улицу, снова закуривает, сканируя взглядом здание полицейского участка.

Он знает, что десять лет назад у них был подозреваемый. Был убит при задержании. Картер так же знает, что железобетонных уликов против него не было, только косвенные. Знает, что кто-то из участвующих в расследовании был уверен — убийца работает не один. И так же знает, что никаких прямых доказательств этого не было, но вычитав материалы дела вдоль и поперёк сам детектив склонен думать, что предположение о поделнике скорее всего верное. И самым главным аспектом такого вывода является возобновившаяся серия убийств спустя десять лет затишья. Чего он не знал, так это того, что все копы, расследовавшие это дело, мертвы. И даже если официально их смерти никак не связаны между собой, выглядят случайными или естественными, это пиздец как подозрительно.

Джей крутит фильтр сигареты между большим и средним пальцами, разглядывая огонёк, слышит звук подъезжающей машины и поднимает голову. Шериф Брок выходит из старенькой ауди и шагает к участку, глядя под ноги. Джей делает последнюю затяжку, щелчком пальцев отправляет окурок в свободный полёт и переходит дорогу. Вопросов у него становится больше. Ответов не находится вовсе.

Глава 3.

Полночный Ороно тих и спокоен. Обычно. Но город обзавёлся беспокойной троицей студентов, приезжим копом-трудоголиком и профессором литературы, страдающей хронической бессонницей. Местные жители давно спят, пока в один и тот же промежуток времени вышеназванные бодрствуют.

Единственный во всей округе круглосуточный магазин оповещает продавца о новом посетителе раздражающей трелью колокольчика, подвешенного над входной дверью. Он неохотно отрывает взгляд от маленького экрана телевизора, расположенного почти под потолком и транслирующего картинку в чёрно-белом цвете. Хэйли, борясь с головной болью, встречает раздражённый взгляд, в котором мелькает узнавание, следом — холодное отчуждение, и на секунду замирает.

Пристальный, брезгливый взгляд она ощущает всё то время, пока кидает в корзину продукты, медленно шагая меж тесных рядов небольшого магазина. Подойдя к прилавку, ставит корзину и поднимает взгляд, не собираясь прятаться. Ей нечего было доказывать десять лет назад. Нечего и сейчас. То, что кто-то считает иначе — не её проблема.

Она достаёт из кармана куртки кошелёк и кидает на прилавок карту.

— Карты не принимаем. Только наличка.

Не меняясь в лице, профессор меняет карту на наличные и продолжает терпеливо ждать, пока ей пробьют покупки. Продавец пробивает чек и берёт деньги, но злобного взгляда с Хэйли не сводит даже тогда, когда та, собрав все покупки в пакет, молча разворачивается и направляется к выходу. Она успевает схватиться за ручку двери, когда её ноги врастают в пол, а челюсти сводит от бессильной ярости.

— Лучше бы ты разбилась к чёрту вместе со своим братом ублюдком!

Звук гадливой ухмылки прокатывается по всему позвоночнику Хэйли сверху вниз и обратно, оседая горечью на корне языка. Она до рези в глазах вглядывается в собственные пальцы, обхватившие ручку двери, старается вспомнить как дышать и отгоняет воспоминания, услужливо предоставленные собственным разумом. Это длится всего пару секунд, по истечению которых удаётся первый глубокий вдох, подбородок поднимается чуть выше, а рука толкает так дверь. Хэйли молча выходит на улицу, ощутив ветерок, неприятно холодивший взмокшие виски, и направляется к своей машине размеренным шагом, оставляя говорившего что-то ещё Макса наедине с собственным дерьмом, не позволяя его словам осесть в своей голове.

Это не о ней.

Больше нет.

Хлопнувшая дверь автомобиля отрезает профессора от внешнего мира, погружая в тишину салона. пакет с продуктами небрежно отправляется на заднее сидение, пальцы сдавливают руль в попытке спрятать мелкую дрожь. Проигрывая борьбе с собственными воспоминаниями, Хэйли клонится вперёд, прижимаясь горячим лбом к прохладному рулю и медленно, размеренно дышит. Просто дышит, сосредоточившись на воздухе с шумом выходящим из приоткрытого рта.

Она решила выйти на свежий воздух в надежде хотя бы немного уменьшить головную боль. Добилась прямо противоположного результата, к которому прибавилась тошнота. Ну просто отлично.

Домой Хэйли возвращается не превышая скоростной режим, каждое движение отдаётся уколами игл в виски и глаза. В какой-то момент встреча со старым знакомым отходит на второй план, никуда, впрочем, не исчезая. Бабушкин дом встречает тихим скрипом ступеней, един-

ственной горящей над дверью лампочкой, спасительным полумраком внутри и тишиной. Почти с закрытыми глазами — с самого её детства здесь не менялось ничего, так что Хэйли успешно обошла бы всё углы даже с закрытыми глазами — она добирается до кухни, бросает небрежно свою ношу на кухонный стол и направляется к раковине, чтобы выпить воды. Подставляет стакан под струю, но не замечает, что та уже давно переливается через край, взглядом зависнув в темноте за окном. Пустота в голове разбивается острыми осколками, когда слышится тихий, немного скрипучий голос:

— Это ты, дружок?

Хэйли моргает, перекрывает кран и оборачивается на звук шаркающих шагов, направляющихся к лестнице на втором этаже.

— Нет, бабуль, это я, Хэйли, — говорит громко и дружелюбно, по привычке натягивая фальшивую улыбку. Прислушивается.

— О... хорошо.

Шаги становятся тише, удаляясь в сторону комнаты.

Да. «Хорошо». Потому что Хэйли никогда не была «дружком». Хэйли всегда была просто Хэйли. Обращение «дружок» принадлежало совсем другому человеку. Тому, кого давно с ними не было. Внезапно женщина горько усмежается, потому что неожиданно сегодня о её старшем брате напоминали больше, чем за последние несколько лет.

Архив газеты подвергается набегу. Проблем с проникновением не возникает, потому что Ороно из тех городков, в которых все всех знают, сигнализацией не пользуются, некоторые и двери не запирают, а городской муниципалитет не пользуется услугами охраны. По большому счёту начинающим домушникам нужно всего то вскрыть один простенький замок, что Кэвин с лёгкой подачи Джой и делает, заработав восторженный свист одной и удивлённо подозрительный взгляд второго из друзей.

Идея не откладывать визит в городской архив принадлежала подвыпившей Джой, была поддержана подозрительно развеселившимся Райтом и молчаливо осуждена Дерекком, которому давно стало ясно, что если этим двоим что-то пришло в голову, ничем это что-то не выбить. Остаётся только проследить и минимизировать возможный ущерб, пройдя три стадии принятия: «да блядь», «так блядь» и «ладно блядь». В какой-то момент Дерек поймал себя на мысли, что заразился ажиотажем, окутавшим друзей. Примерно в то время, когда они уже подбирались коротким перебежками к нужному зданию, пригибаясь ближе к земле и по-идиотски хихикая, строя из себя каких-нибудь суперагентов на спецзадании.

— Ну, долго копать там собираешься?

Джой нависает над плечом Райта, шепча нетерпеливо, пока парень, присев на корточки перед задней дверью архива и подсвечивая себе маленьким фонарём, зажатым зубами, ковыряется в замке. Он косит взглядом в сторону нарушителя личного пространства и Кингсли ухмыляется.

— Вот что ты за человек, Райт? Обычные люди матерятся словами, а ты матом смотришь... — вещает, показательно нахмурившись, чуть пошатываясь. — Научи, а?

Тут же расплывается в приторной улыбочке, заставляя друга фыркнуть.

— Чего б умного сказала, — бормочет Дерек.

Джой переводит на него взгляд, встаёт в полный рост, принимает серьёзный вид и важно сообщает:

— Крокодилы ходят лёжа, знаешь?

Дерек давится воздухом в попытке сдержать смех, Кэвин выплёвывает фонарик, прижимаясь ртом к изгибу локтя с той же целью.

— Ссссука, Джой, кончай смешить! — выдавливая слова, улыбки не прячет.

— Это же умная мысль, чё вы... — продолжает валять дурака и надувает губы.

Дерек фыркнул, закатив глаза, а Кэвин, от усердия высунув кончик языка, нащупывает отмычкой нужную деталь и резко поворачивает. Слышится тихий щелчок, парень поднимается на ноги, толкает дверь, та со скрипом открывается и друзей встречает чернеющий дверной проём. Они переглядываются в нерешительности.

— Может, ну его... придём в рабочие часы? — предпринимает последнюю попытку образумить друзей Мастерс.

— Та не бойся, — залихвацки хлопает его по плечу развеселившаяся Кингсли и переступает порог. — Я ж с тобой, — добавляет, оглянувшись через плечо, не забыв озорно подмигнуть, после чего скрывается в темноте. Оставшиеся на улице переглядываются.

— Это то и пугает, — бормочет Райт, тем не менее шагая следом.

Дерек заходит последним, не забыв напоследок осмотреть улицу и прикрывая за собой дверь. Далеко не уходит, почти сразу наткнувшись на Кэвина, осматривающего небольшое помещение при помощи луча своего фонарика.

— Ладно, куда дальше? — спрашивает его тихо.

— Вперёд, — отвечает Райт тоном с толикой сарказма. — Где этот беспокойный элемент? — возвращает вопрос, глянув на Мастерса и прислушиваясь.

Джой, кажется, ушла далеко вперёд. Дерек пожимает плечами и кивает в сторону одной из двух дверей. Они шагают медленно, вглядываясь в едва рассеивающуюся темноту и успевают открыть дверь, ведущую в длинный коридор, когда перед ними возникает Джой с довольной улыбкой на лице.

— Эй, а знаете, как называется место на кладбище, в котором сторож сидит?

Вопрос задаёт бессмысленный совершенно и смотрит так пытливо, ожидая ответа, что Дереку становится не по себе. Нужно будет узнать, чего она там сегодня выпивала и запретить употреблять подобные вещи.

— Живой уголок, — мрачно и недовольно отвечает Кэвин, вздрогнувший от неожиданности, когда появилась Кингсли и теперь испытывающий раздражение из-за того, что не смог сдержаться.

Он шагает дальше, не дожидаясь ответной реакции, прекрасно расслышав и смешок Дерекса, и хихиканье Джой. Следующие полчаса они тратят на то, чтобы найти компьютер, включить его и найти информацию. Все выпуски после девяносто пятого года были оцифрованы и перенесены в электронный архив в виде скан-копий выпущенных за эти годы газет. Дерек успевает прикинуть какой объём работы был выполнен сотрудниками редакции, а после забывает обо всём вместе с друзьями, погружаясь в историю десятилетней давности.

— Гляньте, — какое-то время спустя говорит Джой, высываясь поверх плеча Кэвина и тыча пальцем в монитор, — в тот раз убийца тоже оставлял послания на убитых.

Её друзья наклоняются ближе.

— Да, но тут написано, что он цитировал По, а не Сартра, — возражает Дерек.

— Ну десять лет прошло, может вкусы у чувака поменялись, — небрежно пожав плечами, предполагает Кэвин.

— Или это просто другой человек, — спокойно предполагает Дерек.

— Но того парня то не поймали, — возражает Джой. — Копы вообще нихрена не нашли. — Фырчит пренебрежительно, очень ясно высказывая тем самым своё отношение к работе доблестной полиции.

— Был подозреваемый, — задумчиво говорит Кэвин, прокручивает колёсико мышки, торопливо пробегаясь глазами по ровным столбцам текста.

— Который разбился на машине во время попытки задержания, — подхватывает Джой, — потому что что? — ехидно улыбается, глядя сначала на одного парня, потом на другого. — Верно. Потому что у полиции руки из жопы, а парень может и не виновен был.

— Какая-то хрень с аварией... — не слушая её, бормочет Дерек, вчитываясь в статью.

— А? — Джой моргает раз, другой, глупо уставившись на него.

— Здесь написано, — начинает объяснять парень, — что машина сгорела и пламя было настолько сильным, что опознание толком не проводилось, — продолжая вчитываться в текст, говорит. Откидывается на спинку стула.

— Но зубы то должны были остаться целы.

Кэвин хмурится.

— Ага, — соглашается Мастерс. — Вот только карта подозреваемого у дантиста пропала, следовательно ни о каком опознании по слепку зубов и речи быть не могло, — добавляет, кивнув головой в сторону старенького компьютера.

— Кто-то завалил особо жестоким способом шестерых студентов за полгода, — резюмируя, говорит Кэвин, уставившись перед собой. — Копы нашли какого-то местного чудилу и попытались повесить на него все убийства, профукали его, считай — убили, и списали всё на тормоза...

Дерек кивает. Джой, сидевшая позади обоих, отмалчивается, продолжая прокручивать статьи, протиснувшись между парнями. Кэвин возмущенно морщится.

— А ещё тут написано, что у убийцы, возможно, был сообщник, — подаёт голос Джой. — А ещё, — удивлённо хмыкает, — что у подозреваемого была младшая сестра. И... — щёлкает по мышке, увеличивая фото, откидывается на спинку стула, предвкушая реакцию своих друзей, — гляньте-ка кто тут у нас.

Кэвин и Дерек, до этого момента внимательно слушавшие Кингсли, делают то, что велено — поворачивают головы в сторону монитора, и, кажется, слышат как собственные нижние челюсти грохочут, встречаясь с полом.

— Капюшонный ты питохуй... — потерянно бормочет Кэвин.

Тесное, тусклое помещение в полицейском участке, временно переоборудованное под карикатурный кабинет для пришлого копа, имело единственный источник света в виде старенькой настольной лампы, освещавшей неряшливые стопки папок с материалами дел и нависшего над столом детектива, упорно шутившего глаза для лучшего фокуса. Его встреча с шерифом Броком была быстрой, сдержанной и чересчур официальной, но ясно дала понять, что хоть шериф и вынужден обеспечить Картеру всё, что нужно для непрошенного параллельного расследования, радости ему это не приносит. И, кажется, Джей начал понимать почему примерно через час-другой после того, как заперся в своём временном пристанище.

Для начала он снова пробежался взглядом по уже прочитанным материалам и с недовольством обнаружил, что доблестные служители закона прислали в Портленд не весь объём информации, почему-то пропустив несколько довольно интересных фактов. Например, о личности подозреваемого.

Джей пристально разглядывал фото вышеупомянутого, коим оказался парень двадцати пяти лет с непримечательной внешностью, которую разбавлял шрам, тянувшийся от левого виска к линии челюсти. Слабая мысль о том, что он уже где-то его видел, остаётся обделённой вниманием порядком уставшего детектива. Его личное дело, собранное копами, заинтересовало не меньше. Если верить изложенным в нём фактам, то получалось, что подозреваемый вёл довольно закрытый образ жизни. Ни друзей, никаких соцсетей, ничего примечательного, только бабушка и младшая сестра.

Неотправленными также оказались видеозаписи допросов. К ним Джей решил вернуться чуть позже, сосредоточившись на отчётах о вскрытии жертв. Впервые он увидел их уже приехав в Ороно, жалея, что не занялся этим раньше. Вот ведь странное дело — Джей мог запросить дело десятилетней давности в любой момент времени, но никогда не делал этого, хоть и имел личный интерес. Долго, очень долго, думая об этом пришёл к выводу, что не сунется туда, пока серия не повторится. Если повторится. Сложно было удержаться, но пришлось пересилить собственные порывы. Детектив считал, что поступает так по техническим соображениям. На деле же всё было проще. Если бы в результате изучения материалов дела оказалось, что убийца действительно мёртв, ему пришлось бы смириться, пригласить скорбь и научиться с ней жить. Джей просто смалодушничал.

Сходства с нынешними убийствами искушает сделать поспешные выводы, потому как, кажется, идентично всё, вплоть до мелких подробностей. Та же жестокость, так же много крови, то же отсутствие сексуального насилия прижизненного или посмертного сексуального надругательства. Единственное отличие — авторство используемых цитат. Джей отводит задумчивый взгляд, пытаясь решить, может ли он только на основании имеющейся информации согласиться с мыслью, что и сейчас, и десять лет назад орудует один и тот же человек? Впрочем, для подобных заключений следует узнать мнение Розенталь, сам Джей не имеет достаточной квалификации, чтобы вот так сходу делать подобные выводы. Во всяком случае в отношении характера нанесённых ран. Роется в папках, ища доказательства, которыми руководствовались десять лет назад копы. Находит быстро, но читая, приходит к выводу, что работу свою его коллеги выполнили отвратительно, повесив серию убийств на первого найденного ими городского фрика.

Парень был виновен лишь в том, что имел проблемы с гневом, не мог ни с кем подружиться и заработал список мелких нарушений общественного порядка. Ещё были упоминания о найденных недалеко от его дома мёртвых животных, над которыми явно поработал какой-то большой ублюдок, но никаких прямых доказательств того, что это дело рук подозреваемого, не было. Единственный факт, который действительно мог дать хоть что-то — на момент совершения убийств у парня не было алиби, и каждый раз при обнаружении очередного тела его видели где-то неподалёку. Будто бы он приходил посмотреть на результат своих действий. Опять же, это всё косвенно, подпитано личными предположениями и совершенно не годится в железобетонную доказательную базу.

Из всего прочитанного детектив делает один вывод — копы не хотели оставлять дело нераскрытым, но и проводить тщательную работу тоже не горели желанием. Согласно отчётам, во время задержания парень оказал сопротивление, устроил гонки с полицией, не справился с управлением и в небольшой промежуток времени, в котором полиция потеряла из виду его машину, разбился, вылетев через ограждение моста. К тому моменту, когда машину нашли, та уже горела. Обнаруженное в ней тело обгорело настолько, что идентифицировать его можно было разве что по слепку зубов.

Джей хмурится, сев ровнее. Потому что никакой экспертизы проведено не было за отсутствием нужной информации у местного дантиста. Сравнивать было не с чем. И это никого не насторожило, никто не попытался добыть больше доказательств. Они просто закрыли дело, повесив на погибшего убийства... которые прекратились после его смерти. Детектив делает короткую заметку в блокноте, напоминание о том, что нужно поговорить с дантистом, узнать при каких обстоятельствах исчезла карта его пациента и была ли она вообще. Снова откидывается на спинку стула, задумчиво прищурившись.

Были ли у копов достаточные основания считать, что тело, найденное в обгоревшей машине принадлежало подозреваемому с учётом того, что никакой экспертизы проведено не было? Черт возьми, нет. Они просто заочно сделали виновным человека, а после его смерти — его ли? — спустили всё на тормозах, думая, что у парня не достаёт мозгов подстроить соб-

ственную смерть. И это самая нелепая ошибка, которую они могли совершить, потому что если подозреваемый и был убийцей, то его интеллект явно давал ему возможность проверить подобное. Что, если под маской городского чудака прятался серийник? Что, если это была умелая игра? Судя по отчётам с мест преступлений, убийца был организован, педантичен в своих действиях, не оставлял ни одной зацепки и абсолютно точно вкладывал в свои деяния гораздо больший скрытый смысл, чем смогли разглядеть местные копы.

Люди часто думают, что серийник — это просто псих, главной мотивацией которого является желание убивать. Это расхожее заблуждение. Есть убийцы, для которых всё действительно так, но серийные убийцы посредством убийства зачастую выражают не голую жажду крови. Они присваивают себе миссию, избранность, призвание показать что-то людям, не способным видеть дальше своего носа. Они высокомерны в своём убеждении исключительности. И, конечно, обладают складом ума, позволяющим обманываться в собственных выводах очень долгое время. Убийцы-психопаты, даже если успевают убить не одного человека, попадаютса чаще, потому что не способны долго играть в кошки-мышки. Убийцы, оформляющие свои убийства в экспозиции, подобные этим — умны настолько, чтобы не попасться вообще.

Есть ещё одно ошибочное заблуждение относительно серийных убийц. Люди, насмотревшись детективных сериалов, считают, что серийники с самого начала имеют свой особенный почерк, но это абсолютно не так. Серийник учится, приспособливается, всё время совершенствует собственные навыки, на опыте находя наилучший по их мнению вариант выражения своих фантазий и мыслей. Это выражается в мелких деталях и можно заметить только если пристально смотреть. То есть делать то, чего местные копы не делали совершенно.

Картер переходит к информации о предполагаемом сообщнике. Долго вглядывается в печатный текст и понимает, что основания для подобных выводов отсутствовали. Спросить у тех, кто участвовал в расследовании, о том, почему они пришли к выводам, отличным от его, Джей не может по понятным причинам. У него вообще складывается впечатление, что копы просто имели какие-то личные претензии к парню, вот и отыгрывались. Неприятно это признавать, но люди есть люди и характер взаимоотношений жителей маленьких городов вполне предсказуем.

Так что предположить, что группа лиц, в данном случае копы одного конкретного участка, имели какой-то сговор с целью ложно обвинить кого-то, преследуя собственную выгоду, Джей вполне может. Чёрт, да столько времени прошло, непосредственных участников тех событий почти не осталось. Могло происходить всё, что угодно. От просто безалаберного отношения к своим обязанностям, до умышленного обвинения невиновного человека. Такие вещи случались и в больших городах. Грязные копы — не сказки. Они существуют. И этот факт сбрасывать со счетов нельзя. Во всяком случае пока.

Джей откидывает папку на стол и устало трёт глаза.

— Это не работа полиции, а пиздец какой-то...

Он чувствует раздражение от осознания того, как гадко было проведено расследование. Непонимание, ведь убийства подобного плана должны были привлечь больше внимания. Почему они не запросили помощь? Почему вездесущие агенты ФБР не заинтересовались этим делом? Погибло шесть человек. Убиты особо жестоким образом. На протяжении полугода серийный убийца действовал в одном городе, держа в страхе его жителей, и Бюро даже не попыталось прислать сюда своих профайлеров под соусом «мы не собираемся забирать у вас это дело, мы просто хотим помочь»? Да когда такое было-то? Полиция Ороно явно не справлялась. Ни одной нормальной зацепки, ни одной улики. Только предвзятое мнение и какие-то притянутые за уши домыслы... Собственно, как и сейчас.

Его взгляд падает на записи допросов. Джей берёт один из дисков, выкапывает из груды бумаг ноутбук и включает его. Пока система прогружается, трёт глаза, с унылой тоской косится в сторону небольшой кучки использованных стаканчиков из-под кофе и испытывает внезапный

приступ тоски по кофе из автомата, стоявшего в его отделе. На протяжении всей своей службы в убойном, он считал, что кофе там худший на свете, а теперь, сравнив, понимает, что был несправедлив.

Разминает шею, садится ровнее, понимая, что часть его не хочет копаться во всём этом и получать ответы на вопросы, годами его мучившие. Он открывает папку, в которой обнаруживает пять файлов, датированных разными числами. Щёлкает по первому, увеличивает громкость и уже с первой минуты понимает, что его идиоты коллеги определённо недооценивали того, на кого собрались повесить убийства. Джей просматривает записи допросов каждую по несколько раз, тратит на это большую часть ночи, до рези в глазах вглядываясь в парня на видео, едва ли не прилипнув носом к экрану ноутбука.

Каждый раз, когда подозреваемый оказывался в комнате для допроса, наблюдается одна и та же картина — его допрашивающие копы, нервничали, выходили из себя, переходили на личности, неумело и совершенно глупо провоцировали, словом, делали всё, что нехарактерно, даже запрещено, для профессионала. Подозреваемый же напротив демонстрировал грёбаное спокойствие, его ответы были чёткими и аргументированными, он вообще не создавал впечатление забитого, эмоционально нестабильного чудака, которым его рисовали в отчётах. Он тооненько так троллил копов, настолько умело, что те далеко не всегда это осознавали. Ни разу не попался на отличающихся ответах на одни и те же, но перефразированные вопросы, призванные поймать допрашиваемого на лжи. И снова у Картера вопросов возникло больше, чем он мог получить ответов. Почему они не установили наружное наблюдение? Зачем проводилось так много допросов? Тем более ни к чему не приведших? Почему их так отвратительно проводили? Любой среднестатистический адвокат мог их с лёгкостью классифицировать, как давление.

За всё то время, что подозреваемого допрашивали, он дал слабинку лишь один раз — один из копов упомянул его младшую сестру, намекнув на то, что та наверняка недалеко ушла от старшего брата. Качество видеозаписи оставляло желать лучшего, но даже с учётом этого Джей не мог не заметить, как напряглись плечи парня, вся его поза поменялась, он наклонился ближе к столу, голос стал тише, взгляд тяжелее, он весь словно приготовился к атаке. И это продлилось всего несколько секунд, по истечению которых парень выдохнул, расслабленно откинулся на спинку стула и ухмыльнувшись выдал что-то вроде: «Некоторым людям просто противопоказано думать, знаете?». Картер легко ударил по клавише пробела, ставя видео на паузу. Если бы допрос проводил он, обязательно обратил бы внимание на этот момент, ухватился бы за него и попытался обыграть. Несмотря на весь прессинг, парень ненадолго потерял контроль над собой лишь при упоминании сестры. Глупо было не заметить и не воспользоваться этим.

Детектив слышит шаги за дверью, смотрит на часы и понимает, что начался новый рабочий день. Недовольно поджимает губы, секунду спустя уже забыв об этом, потому что пытается найти упоминания о сестре подозреваемого, роясь в кипе бумаг. Даже поднимается на ноги, чтобы иметь возможность дотянуться до тех, что лежат дальше остальных. Он ведь где-то точно видел упоминание о ней. Где-то точно...

— Вот оно, — бормочет себе под нос, выхватывая искомую папку из общей кучи.

Садится, готовясь к чтению личного дела. Открывает первую страницу.

И, черт возьми, замирает.

Как в самых настоящих третьесортных фильмах. У него, кажется, даже челюсть отъехала вниз. Джей ловит себя на том, что просто пялится на не очень чёткую фотографию десятилетней давности, глупо моргая. Первой его мыслью становится та, в которой звучит банальное: «Да ну нахер». Второй — «Может, ошибка?». Третью он шлёт к черту, собираясь и приходя в себя. У брата и сестры разные фамилии. Почему? Нет ни одного отчёта о взаимодействии полиции с ней. Если они и её в чём-то подозревали, то просто обязаны были провести хотя бы какую-то беседу. Почему не сделали этого? Джей откидывает папку, трёт лицо ладонями,

давая себе мысленную оплеуху. Что вообще за драма? Он коп. Детектив убийного. Он должен руководствоваться только неопровержимыми уликами, а не строить предположения!

Просто...

Просто слишком неожиданно.

Он выдыхает. Да, он просто не ожидал. Сейчас возьмёт себя в руки и всё обоснованно взвесит, основательно разберётся и поймёт. Джей успевает выдохнуть с облегчением, природу которого не совсем понимает, когда внезапное осознание бьёт наотмашь.

Хэйли Маршалл — младшая сестра единственного подозреваемого.

Убийц могло быть двое.

Сестра Джея училась в Университете штата Мэн десять лет назад.

Она так его и не закончила, став жертвой серийного убийцы.

Глава 4.

Хэйли гипнотизирует взглядом стрелку настенных часов, в какой-то гомерической трагичности ощущая неизбежность приближения момента, в который ей придётся покинуть стены своего кабинета и отправиться на лекцию, чтобы вычитать плановый объём материала. Ночь была отвратной, даже в обход всего того кошмара, который происходит в последнее время. Головная боль никуда не ушла. Кажется, охренела до нужной степени и просто перетекла в перманентную. Но это никого не волнует, работу Хэйли никто за неё делать не собирается.

Она кидает быстрый недовольный взгляд в небольшое зеркало, замечает, что не застегнула пару верхних пуговиц рубашки. Рука на автомате тянется вверх, чтобы исправить эту досадную оплошность, но в последний момент тормозит, и профессор литературы Хэйли Маршалл захлопывает за собой дверь кабинета, преисполненная крупницей бунтарского духа никому не нужного. В первую очередь ей самой. Всё и так катиться к чёрту, никакого сколько-нибудь видимого порядка не наблюдается, так что кого волнует пара расстёгнутых пуговиц, да?

Полчаса спустя Хэйли эта пара пуговиц аукнется нервозностью и раздражающим её волнением.

Она заходит в потоковую аудиторию и мысленно удивляется такому количеству студентов. Свободных мест почти нет. Станные взгляды, брошенные в её сторону каждым, брошенные исподтишка, кстати, вороватые, она тоже замечает, но предпочитает не анализировать. У неё даже получается первые полчаса, в которые студенты смотрят не только на неё, но и куда-то в сторону задних рядов. Сначала не придаёт этому значения, а потом улавливает некую закономерность.

Так что в очередной раз прервавшись на пару секунд, чтобы выстроить формулу следующего предложения, она смотрит в указанном направлении. Из реакции — лишь чуть более заметный прищур глаз, что несоизмеримо меньше выдаёт её состояние, схлестнувшись с насмешливым взглядом знакомых глаз. Хэйли с трудом давит порыв полюбоваться собственным мозгом путём закатывания глаз. Джей, совершенно точно понявший это, улыбается такой дружелюбной и невинной улыбочкой, что вызывает желание приложить его лицом об стол.

Вопреки приступу немотивированной агрессии, профессор спокойно продолжает лекцию, больше не возвращаясь взглядом в правый угол аудитории. Но чёрт бы побрал и университет, и студентов, и гребаного копа. Внезапно вспоминается последняя поездка в Портленд, день, когда этот раздражающий элемент появился в её кабинете, их миленькая беседа, и... пара не застёгнутых пуговиц.

Ей становится жарко. Хэйли отказывается искать причины этого.

Адова лекция заканчивается целую вечность спустя. Пока студенты покидают аудиторию, Хэйли отворачивается к интерактивной доске, копошится в каких-то бумагах, изображая бурную деятельность, морально готовясь к тому, что коп снова начнёт доставать её вопросами. Но дверь тихо хлопает, сигнализируя о том, что последний человек покинул аудиторию, женщина медлит пару секунд, а потом резко оборачивается, собираясь выдать заранее построенный маршрут назойливому стражу порядка. Не произносит ни слова, потому что в помещении находится она одна. Больше никого. Посылать по всем известному маршруту просто некого. Этот факт не сразу доходит до вымотанной бессонницей и болью Хэйли, а когда доходит одновременно с облегчением она испытывает непонятный ей укол... разочарования?

Рабочий день проходит в уже привычном режиме и даже без новых трупов. Хэйли широкими шагами направляется к своей машине и не оглядываясь покидает территорию кампуса, свободно выдохнув только на подступах к дому бабушки. На пути заезжает в пока ещё работающий гипермаркет с кассами самообслуживания — отличный вариант для неё, никаких чело-

веческих контактов. Покупает продукты к ужину, собираясь побаловать бабулю её любимой лазаньей с фирменным соусом. Находит то состояние отстранённого спокойствия, к которому привыкла, запретив себе думать о чём бы то ни было. К моменту, когда захлопывается дверца её машины, а сама Хэйли шагает к крыльцу с парой бумажных пакетов, она уже насвистывает себе под нос какую-то незамысловатую мелодию, предвкушая вкусный спокойный ужин в тишине, разбавленной редкими фразами, которыми они с бабулей уже привыкли обмениваться.

Все планы летят к чертям, когда она переступает порог дома, замечает пару тяжёлых ботинок, которых здесь быть не должно, и слышит голос бабули, доносящийся из гостиной и звучащий так, как Хэйли уже и не надеялась услышать. Прислушивается, понимает, что сейчас она рассказывает какой-то смешной случай из детства внучки и становится совсем не по себе. Беззвучно разувшись, Хэйли тихо шагает к комнате, вращает пятками в пол на пороге, потому что человека, сидящего на диване рядом с бабушкой, она ожидает увидеть здесь в последнюю очередь.

— О, Хэйли!

Бабуля реагирует на её бесшумное появление с чуткостью датчика движения. Улыбается полубеззубым ртом так искренне и радостно, что у Хэйли просто не остаётся шансов — она возвращает улыбку, пусть и чуть более сдержанную, но не менее искреннюю. Переводит взгляд на незваного гостя, улыбка моментально испаряется.

— Я же просила тебя не открывать дверь всяким проходимцам, бабуль, — говорит спокойно.

Задерживается взглядом на секунду дольше положенного, только после этого смотрит на бабушку, выражение лица которой сейчас демонстрирует абсолютную растерянность.

— Но... этот милый молодой человек сказал, что вы давние знакомые и...

— Сильное преувеличение, — не сдержавшись, сообщает ей внучка. Заостряет внимание на ухмылочке Джея, явно дающей понять, что он бы не торопился с такими заявлениями.

Хэйли чуть хмурится. Почему этот идиот до сих пор не сказал ни слова? Подозрительно затянувшаяся игра в гляделки начинает нервировать пожилую женщину, что моментально замечает Хэйли и, проведя молниеносный спор в своей голове, приходит к выводу, что ей плевать и на придурка, не знающего что такое правила приличия, и на то, что он сейчас здесь. Кроме того, совсем не хочется заставлять нервничать бабушку, возможно, провоцируя тем самым новые приступы беспамятства. Хэйли решает сосредоточиться на бабуле, абсолютно игнорировать копа, придерживаться плана на сегодняшний вечер и пусть ужин рискует стать не таким спокойным, как ей хотелось бы, но усталость и головная боль дошли до той стадии, когда внешние раздражители уже не дёргают. В данном случае один конкретный внешний раздражитель.

— Я купила продукты, — сообщает она, успешно игнорируя человека около бабули, но всё равно чувствуя его пристальный взгляд, — собираюсь приготовить твою любимую лазанью, бабуль, — добавляет преувеличено весело.

Джей замечает эту преувеличенность. Бабушка — нет. Она широко улыбается, несколько раз быстро хлопает в ладоши, крохотно подёргав ступнями ног, не достающими до пола. Хэйли убедительно кивает, разворачивается и шагает в сторону просторной кухни, думая о том, что бабушка всё чаще выдаёт реакции, больше характерные для маленьких детей, и совершенно не замечая задумчивого взгляда, её провожающего.

О том, что спокойная готовка в тишине ей больше не грозит, она понимает минут через десять, когда слышит ровные, тяжёлые шаги за своей спиной. Признаться честно в том, что не понимает своих реакций в присутствии копа Хэйли не хочет. Для этого придётся анализировать, характеризовать и давать имена вещам, о которых она думать не может. Многолет-

ная практика игнорирования разного рода внутренних переживаний позволила ей и в этот раз укрыться за стеной отчуждения.

— Я полагала, что у меня ещё есть время определиться с местом проведения допроса, — вопреки ожиданию Джея, заговаривает первой Хэйли, не оборачиваясь.

— Каюсь, терпеливостью не отличаюсь, — пожав плечами отвечает он, подпирая плечом дверной косяк, прячет руки в карманы джинсов.

Нож, занесённый над луковицей, замирает на пару секунд, пока в сознании Хэйли стоп-кадрами мелькают воспоминания, абсолютно подтверждающие слова мужчины. Она жмурится, успешно отгоняя их.

— Тем не менее заявляться вот так ко мне домой, пользуясь добродушием пожилого человека, лгать о характере наших взаимоотношений, это немного... ну, — всё ещё стоит спиной к копу, пожимает плечами, — пахивает мудачеством, вам не кажется?

— Не знал, что уже можно охарактеризовать наши взаимоотношения, — не удержавшись, хмыкает Картер.

В ответ ему прилетает громкий звук, рождённый ножом с силой ударившим по доске для резки.

— Если мне не изменяет память, — дав себе пару секунд на помолчать, меняет тему Хэйли, — в прошлый раз использовались цитаты из произведений По. Верно?

Ни к чему спрашивать, она помнит всё в деталях. Хэйли это понимает, Джей в этом почти уверен, но тем не менее отвечает:

— Так и было.

— Я не знаю, каких ответов вы от меня ждёте. Полагаю, это работа для каких-нибудь профайлеров, психологов, аналитиков... кто там ещё у вас работает. В смысле, логично предположить, что полицию интересует причина, по которой выбраны именно эти писатели. Я ответа на этот вопрос не знаю.

Хэйли продолжает говорить тихо и размеренно, словно они обсуждают какую-то банальную, будничную тему. Джей не перебивает.

— Некоторые люди наделяют По неким туманом мистицизма, что в общем-то неудивительно, учитывая атмосферу, которую он создавал в своих произведениях, странные на первый взгляд аспекты его жизни и необъяснимые совпадения в его сюжетах с реальными событиями.

Лук отправляется в миску, настаёт очередь фарша.

— Но повторяю, я не даю оценку причинам, по которым его цитаты были выбраны.

Хэйли говорит голосом, лишённым любого эмоционального окраса, как если бы читала одну из своих лекций, не рассчитывая на отдачу от студентов. Джей думает, что профессор лукавит, говоря о своей неосведомлённости. Хмурится, поняв, что уже начинает предвзято относиться к ней, поддавшись влиянию информации, собранной десять лет назад. Заставляет себя притормозить и не делать поспешных выводов.

— Что до Сартра, то здесь не хватит и вечера.

— У вас нет никаких предположений о том, почему выбраны именно эти личности?

— Я же сказала, это не моя работа.

Чушь. Хэйли не может знать наверняка, может только догадываться о том, что двигало убийцей в прошлом. Но вот что касается последних убийств, тут не нужно быть гением, чтобы связать прошлое Хэйли с ней нынешней. Все эти пафосные обвинения в молчании и отсутствии попыток помешать случившемуся — как будто она действительно могла помешать — незримо связывают её с произошедшим, как бы делая пусть невольным, но всё же соучастником. И сейчас кто-то решил напомнить ей об этом, чтобы... что? Кому это надо? Зачем? Почему сейчас? Ответов на эти вопросы у Хэйли нет и, если совсем уж честно, они ей и не нужны. Наверное.

— Расскажите о том, как нашли тела убитых, — немного помолчав, просит Джей.

Троицу студентов, которые были вместе с Маршалл, он уже опросил сегодня днём и сделал соответствующие выводы. С Кингсли и Мастерсом всё было понятно. Первая здорово нервничала и была раздражительной, ожидаемо, ведь насколько знал Картер, оба убитых были с ней в довольно близких отношениях. Второй выглядел расстроенным, даже скорбящим, в его глазах читался неприкрытый страх, который он в общем-то и не скрывал. Оба были потрясены увиденным. Абсолютно нормальная реакция на случившееся. Вопросы вызывал третий. Слишком спокойный. Как будто бы даже безразличный. Не каждый коп, даже бывалый, видевший не первую жертву убийства, остался бы равнодушным, тут нужна нехилая такая выдержка. Которую не ожидаешь увидеть у двадцатидвухлетнего парня. Вот и возник у детектива Картера вопросик: какое дерьмо должен пережить человек, чтобы к двадцати двум оставаться безразличным к кровавой бане?

Хэйли откладывает нож, готовит продукты для соуса, впервые поворачивается к копу.

— Что вы хотите услышать? — Неожиданно прямой взгляд заставляет детектива зависнуть. — Все подробности уже рассказаны. Что ещё? Как это повлияло на меня?

— Да, — Джей вынужден прочистить горло, — пожалуй.

— Не вижу причин, по которым это могло бы помочь расследованию, — бурчит она, снова отворачиваясь. — Это было жутко. Шокирующе.

Что там ещё должны чувствовать нормальные люди при виде окровавленного трупа? Продолжить ей не даёт бабушка, решившая проверить, кто там шумит на её кухне. Первым она замечает Джея и не скрывая страха, жмётся к стене.

— Вы кто такой? — вопрошает высоким голосом, прижимая руки к груди.

Джей, видя неподдельность показанных эмоций и полное отсутствие узнавания, теряется, не понимая как действовать.

— Вы кто такой, я спрашиваю? Что здесь делаете? У меня ничего нет! Уходите немедленно!

Детектив беспомощно смотрит на профессора. Та, однако, не показывает ни малейшего признака удивления. Вытирает руки полотенцем, шагает в коридор. Под внешним спокойствием Джей распознаёт намёк на грусть в глазах женщины, отходит, освобождая дорогу.

— Бабуль... — мягко зовёт Хэйли. Та реагирует, но не так, как ожидал Картер. Кажется, она пугается ещё больше.

— А вы кто такая? Что делаете в моём доме? — В голосе слышится плаксивость. — Уходите. — И мольба.

— Бабуль, — Хэйли не подходит ближе, останавливаясь в метре от неё, чуть приподнимает руки, — это я, Хэйли. Помнишь? Твоя внучка, — говорит с надеждой в голосе.

Это действует не всегда. Иногда она вспоминает почти сразу. Иногда приходится ждать чуть дольше. Но всегда подобные моменты ложатся грузом, придавливающим плечи неизбежностью. Хэйли вымучено улыбается.

— Я, бабуль, Хэйли, — повторяет снова, прижав одну ладонь к собственной груди. — Успокойся, пожалуйста, всё в порядке.

Женщина, до этого момента вжимающаяся спиной в стену, щурит глаза, подаётся вперёд, силясь разглядеть её лицо. В глазах мелькает узнавание.

— Хэйли? — Та кивает. — Это ты? — спрашивает чуть удивлённо.

— Я, — подтверждает она с теплотой в голосе, которую Джей не слышать не может. Бабушка с облегчением выдыхает.

— А как это ты... Ты давно приехала? — Она улыбается, Хэйли заметно выдыхает. — Что ж это я... — растерянно хлопает себя по карманам, вода взглядом по полу. — Ты, наверное, голодна... Ты одна? А где?..

— Да, одна, — мягко перебивает, зная, о ком она собирается спросить. Женщина переводит взгляд за её спину.

— А это...

— Мой знакомый, — отвечает, не дожидаясь вопроса. Джей пытается улыбнуться приветливо, но получается криво. Хэйли подхватывает бабушку под локоть и мягко, но настойчиво подталкивает её в сторону гостиной. — Я приехала давно. Сейчас готовлю ужин. Твой любимый. — Картер слышит довольное «Оооооо» в ответ на эти слова. Продолжает прислушиваться к терпеливому, мягкому, удаляющемуся голосу Хэйли. — Давай ты пока посмотришь телевизор, хорошо? Скоро всё будет готово.

— Тебе нужна помощь?

— Нет, бабуль, я всё сделаю сама. А ты пока...

Детектив перешагивает порог кухни, дальше двери не идёт, смотрит задумчивым взглядом на продукты, разложенные на столе. Такого он не ожидал. Бабушка Хэйли всё то время, что он здесь был, выглядела бодрой и здоровой. Такую Хэйли он тоже не ожидал увидеть. Нежность, мягкость и терпеливость, которые та проявила по отношению к бабушке, как-то не очень ложатся на то, что Джей уже знает о ней. Это наводит на определённые мысли.

— Вам лучше уйти.

Картер не слышит шагов, поэтому слегка удивлённо смотрит на вернувшуюся Хэйли. Одного взгляда хватает для того, чтобы понять, что вернулась чопорная и сдержанная профессор — полная противоположность тому, что он видел пару минут назад. Маршалл возвращается к готовке.

— Может перейдём на «ты»? — проигнорировав просьбу, нет, требование, интересуется Картер.

— Не вижу необходимости, — чеканит Хэйли. — Вы при исполнении. Я — свидетель.

— Да ладно тебе, нас связывает не только это, — бросает Джей, а не дождавшись ответной реакции решает, совершенно нелогично, кстати, уточнить, ведь ответ был очевиден с самого начала. — Ты же помнишь меня?

— Иди на хер.

Вопреки смыслу сказанного, Джей улыбается.

— Ты помнишь меня.

Хэйли с силой опускает нож на стол.

— Черт возьми, разве к человеку с ножом в руке не стоит обращаться на «вы»? Что за фамильярность... — с искренним недоумением бубнит себе под нос. Разворачивается. — Зачем ты пришёл?

— Я же сказал...

— Нет. Зачем пришёл на самом деле? Вся эта чушь про свидетельские показания и трактовку использованных цитат — полнейшая чушь. Я не сказала ничего, что могло бы хоть как-то помочь в расследовании. Стандартный набор ничего не значащей информации, которую можно найти, воспользовавшись интернетом. Это, кстати, может сделать и обезьяна. А ты даже бровью не повёл. Твои вопросы бессмысленны. Более того, здорово пахивают второсортным клишированным детективчиком. Так за каким чёртом ты на самом деле пришёл?

Картер молчит, удачно сдержав ухмылку, потому что его подловили, но сообщать об этом он не намерен. Хэйли подозрительно щурит глаза.

— Что тебе рассказала бабушка?

Джей взгляда не отводит, но видимо что-то всё же Хэйли видит, ведь ехидно усмехается, покачав головой.

— Вот уж не думала, что доблестные стражи порядка не гнушаются таким дерьмом, как манипулирование пожилым человеком, который к тому же находится немного не в своём уме... — пожимает плечами, — впрочем, о чём это я, это ведь ваш основной способ ведения расследования — запугивание малолеток и манипуляции стариками. Ничего не меняется.

— И как это понимать? — хмурится Картер, ужаленный неприятными догадками.

— Именно так, как я и сказала, — с издёвкой в голосе отвечает Хэйли, после чего поворачивается спиной к копу и возвращается к прерванному занятию. — Если это всё, то не будешь ли ты так любезен убраться отсюда к чёртовой матери?

Джей собирается ответить, но вместо этого выходит из помещения, бросив задумчивый взгляд на ровную, напряжённую спину. Прощается с приветливо махнувшей ему бабулей Маршалл, не отрываяющей взгляда от работающего телевизора, тихо прикрывает за собой дверь и сразу же тянется за пачкой сигарет. Прикуривает одну на пути к своей машине, но уезжает далеко не сразу, курит в салоне авто, продолжая задумчиво смотреть на дом. Отвлекается на сообщение от Мэгги Розенталь, в котором та пишет о том, что задержится на работе и готова выделить ему полчаса своего времени, раз уж они договорились о встрече. Детектив, хмыкнув, быстро пишет лаконичное: «Окей», заводит двигатель, бросив последний взгляд на окна дома.

Он целенаправленно не искал встречи с профессором в университете. То есть да, он пришёл на её лекцию с тем, чтобы понаблюдать, чем и занимался на протяжении часа. Хэйли рассказывала неторопливо, размеренно, но не сухо и скучно, как делают многие из её коллег. Пока Хэйли Маршалл говорила, в аудитории стояла почти никем не нарушаемая тишина.

Её слушали.

Некоторые буквально пооткрывав рты. Да что говорить, Джей сам на какой-то промежуток времени выпал из реальности, заслушавшись. Тем не менее ушёл он вместе с основным потоком студентов. Идея застать Хэйли врасплох, приехав к ней домой, пришла детективу в голову в моменте где-то по дороге в университет. Дома люди ведут себя иначе. Лишённые той брони, которую цепляют на себя, вливаясь в социум. Так что Картер надеялся подловить её, потому что ему нужно было понять, зацепиться, хоть как-то уложить в голове то, что он узнал накануне ночью. Но то, что он увидел, вопросов не уменьшило. Скорее наоборот. Хотя... в одном детектив был почти уверен — ни один психопат не проявлял бы того отношения к страдающей Альцгеймером старушке, какое показала Хэйли.

У психопатов проблемы с эмпатией.

У Хэйли же, судя по всему, с эмпатией проблем нет, чего нельзя сказать о доверии.

Место обитания странноватой женщины встречает Джея приглушённым светом и тихой мелодией. Он топчется на месте пару секунд, после чего переступает порог и закрывает за собой дверь, предварительно перехватив пакет с едой на вынос. Девятый час вечера как ни как, да и от небольшого акта дружелюбия никто пока не умирал. Ну и если совсем уж честно, Розенталь ему нравилась. Пожалуй, эта женщина одна из немногих в этом городе вызывает симпатию. Шагает спокойно в направлении помещения, которое посещал вчера, но его останавливает голос, донёсшийся с другой стороны:

— Я здесь, детектив Картер.

Джей тормозит, делает пару шагов назад и останавливается напротив двери, за которой послышалось предупреждение. Поднимает руку, легко улыбнувшись в предвкушении очередной странной картины. Ожидания его оправдываются, судмедэксперт города Ороно нависает над столом, заброшенном кипой бумаг, упираясь одним коленом в рабочее кресло. Её глаза за огромными стёклами очков придирчиво щурятся, зубы грызут кончик карандаша, волосы во избежании помех закручены в неряшливую гульку и закреплены ещё одним карандашом, а ступня свисающая с кресла жизнерадостно описывает круги в такт незнакомой Джею песне. Честно слово, он бы ни за что не поверил в то, что она работает судмедэкспертом.

— Миссис Розенталь, — приветственно произносит он, заходя в кабинет.

— Мисс... — поправляет она, задерживаясь взглядом на одном из отчётов, секунду спустя поднимает на него взгляд, замечает пакет со знакомым логотипом и ярко улыбается. — А

вообще, можете звать меня Мэгги, чего уж, — Джей усмехается, мысленно поздравляя себя с правильно принятым решением. — А это?.. — Она вновь смотрит на пакет.

— Дружеский жест, — отвечает, подходя ближе и протягивая подношения местному идолу судмедэкспертизы.

Мэгги забирает пакет и садится в кресло, с любопытством заглядывая внутрь. Нетерпеливо освобождает место на столе. Джей ждёт, усевшись на стул, осматривается. Кабинет небольшой, но на удивление уютный, совсем не то, что ожидаешь увидеть в подобных местах.

— Я провела сравнительный анализ, как вы и просили.

Он поворачивает голову и видит, что всё содержимое пакета уже перекочевало на стол. Едва заметно хмурится, не представляя как можно сохранять аппетит, учитывая тему, которую они собираются обсуждать. Для Мэгги, кажется, это не проблема.

— А вы не голодны? — спрашивает она, прежде чем открыть коробку с лапшой.

— Нет. Так что там с анализом?

— Мутно и непонятно, — сообщает Розенталь с набитым ртом. Проходит минуты полторы, пока она прожёвывает еду, блаженно прикрывает глаза и выдыхает. — Божечки, как же здорово. — Смотрит на Картера и становится чуть собраннее. — А, да. — Садится ровнее. Джей усмехается. — На первый взгляд убийства десятилетней давности и недавние похожи, но я изучила отчёты и нашла некоторые отличия.

— Например? — обратившись в слух, уточняет Джей.

— Например характер нанесённых ран и причина смерти, — пожав плечами, отвечает она. Видит внимательный взгляд, отставляет свой неожиданный ужин. — Ну... — быстро перебирает бумаги, ища нужное, — вот. — Кладёт поверх папок несколько листов и фотографий. Джей садится ближе. — Наша парочка умерла в результате обширной потери крови. А жертвы десятилетней давности умирали от прицельного удара острым предметом прямёхонько в сердце.

— Но... — Джей красноречиво смотрит на фотографии.

— М, да. Множество мелких порезов есть и у тех, и у других. Так же, как и следы транквилизаторов, обнаруженных в крови.

— Но? — глупо повторяет он.

— Но у первых они посмертные, тогда как вторых держали в живых и медленно выпускали всю кровь. Её просто сцеживали, таким образом убивая.

Картер берёт один из старых отчётов, быстро пробегает глазами, кажется, они ничем не отличаются от тех, которые выдали ему, но в его копиях нет ни слова о смертельном ударе в сердце.

— Ничего не понимаю, — бормочет, вчитываясь в старые страницы. Поднимает голову, смотрит на с удовольствием поедающую ужин Розенталь. — Здесь нет ни слова о другой причине смерти, — говорит, хмурясь. Она кивает.

— Ага, — соглашается. Берёт одну из папок, лежавших на дальнем краю стола. — А вот здесь есть. — Протягивает папку ему. — И это тоже странно. У вас в руках отчёты, подшитые в дело полицией. А это, — бросает быстрый взгляд на папку, которую Картер пока что не взял из её рук, — отчёты судмедэксперта, проводившего вскрытие. Мы оставляем копии в собственных архивах.

— Хотите сказать, — он наконец забирает папку и быстро пролистывает её, — что кто-то подменил результаты вскрытия? — Мэгги снова кивает. — Да за каким хером?

— Я не знаю, — пожимает она плечами. — Хотите офигеть? — спрашивает, странно улыбнувшись. Детектив молчит, вопросительно приподняв бровь. — После обнаружения первой жертвы две недели назад я говорила с Брокком. Мы обсуждали прошлое дело и он не знает о настоящей причине смертей. Я тоже не знала, кстати.

— Хотите сказать, что он видел те же отчёты, что и я, а подменили их задолго до того, как дело достали из архива? — Ещё один кивок. Джей думает, шуруется и наклоняется вперёд. — Допустим. — Допустим, блять... — По какой причине вы решили проверить собственные архивы, если не знали о подлоге?

— Потому что, — она снисходительно улыбается, подтягивает к себе одно из старых фото, — не заметить смертельную рану было невозможно. — Легонько стучит пальцем по фото. — Но в отчётах об этом нет ни слова и это показалось мне странным. Так что я решила проверить.

Картер задумчиво кивает, откидывается на спинку стула, разглядывая фото. Ладно, тот факт, что с расследованием в принципе происходила какая-то чертовщина, он уже принял, пока торчал этой ночью в участке. И Джей грешил на лень, урколобие и раздолбайство копов, но если имел место подлог, то уже имеется злой умысел. Возникает ещё один справедливый вопрос — как много материалов дела сфальсифицированы? Кто это делал и зачем?

— Что-то ещё?

— Характер ран. Десять лет назад они были неаккуратными, имели более хаотичный разброс и были сделаны правой рукой. — Мэгги кладёт ещё несколько снимков перед детективом. — Сейчас это аккуратные порезы почти одного размера и в них видится какая-то схема... в смысле... — Она нетерпеливо закусывает губу, пытаясь подобрать правильные слова. — Ну вот, смотрите. — Находит новые снимки, кладёт рядом со старыми. — Уже при беглом визуальном осмотре видна разница. И эти, — стучит пальцем по глянцевой бумаге, — сделаны левой рукой.

— Считаете, что мы имеем дело с подражателем? — подняв взгляд, уточняет Джей.

— Либо это, — Мэгги возвращается к ужину, заинтересованно заглядывая в коробку, — либо ваш серийник амбидекстр, подтянувший за десять лет навыки и ударившийся в перфекционизм. — Смотрит ему в глаза. — Когда я говорила про почти один размер, я имела в виду именно это. Разница в один-два дюйма. И последнее. Цитаты. Раньше была бумага. Теперь они их вырезает прямо на телах жертв.

Джей кивает, но молчит. Довольно долго молчит. Изменения в почерке не обязательно указывают на подражателя. Вероятность того, что убийца просто подточил свои предпочтения, усовершенствовал навыки по собственному мнению, исключать нельзя. Во всяком случае пока что. У него есть вопросы, решение которых нужно обдумать в первую очередь. Например, выстроить линию поведения с местными копами. Он не знает, когда были заменены результаты вскрытия. Не знает, кто мог это сделать. Не может верить словам Розенталь о том, что Брок так же не знал о подлоге. Не может верить никому, видимо. Маленькие городки имеют привычки хранить свои маленькие тайны и вполне вероятно, что он наткнулся на один из таких.

Это дело совершенно точно не является тем, чем выглядело, и Джей не удивится, обнаружив двойное дно. Вот только где его искать, это дно? Двух недель ему не хватит, это очевидно. Его шефу придётся смириться с этим, потому что Картер не свалит отсюда, пока не разберётся.

Он проводит у Мэгги ещё около получаса, обсуждая мелкие детали и вопросы, возникшие в моменте. Она показывает ему тела двух последних жертв, но это не даёт существенных результатов, вся информация по ним уже изучена.

Джей присматривается к ней, понимая, что теперь под подозрением каждый, несмотря на то, что непосредственные участники событий в прошлом давно мертвы. Большая часть из них.

Следующие несколько дней проходят в относительном спокойствии как и для всего города в целом, так и для отдельных его обитателей. Это возымело противоречивый эффект: с одной стороны обнадёживало, многие жители города почувствовали облегчение, с другой —

настораживало, как затишье перед бурей, и те, кто не обладал способностью беспечно воспринимать реальность, почти чувствовали что-то зловещее в воздухе.

Тем не менее ежегодная ярмарка урожая, сопровождаемая различными увеселительными мероприятиями, аттракционами и прочей ярмарочной атрибутикой, отменена не была. Жители города, обитатели кампуса, как студенты, так и преподаватели, жители ближайших к Ороно точно таких же городков, просто случайные проезжающие — людей внезапно стало в разы больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.